

Коллоквиумы по истории древнего мира. Ч.II. Греция и Рим

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/301>]

[Публикация работы:]

2011: Коллоквиумы по истории древнего мира. Ч.II. Греция и Рим. Методические указания по самостоятельной подготовке для студентов I курса бакалавриата направления «История» / В.В. Дементьева и др. (сост.). Ярославль.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Научно-образовательный Центр антиковедения

**КОЛЛОКВИУМЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА.
Ч. II. ГРЕЦИЯ И РИМ**

**Тема VI.
ЗАВОЕВАНИЕ РИМОМ ИТАЛИИ**

*Методические указания по самостоятельной подготовке
для студентов I курса бакалавриата
направления «История»*

Составители: Е.С. Данилов, В.В. Дементьева

Ярославль 2011

Тема 6. ЗАВОЕВАНИЕ РИМОМ ИТАЛИИ

1. **Борьба римлян с этрусками после изгнания Тарквиниев. I Латинская война. Возобновление конфликта с этрусками. Взятие г. Вей.**
2. **Вторжение галлов. I Самнитская война. II Латинская война.**
3. **II и III Самнитские войны.**
4. **Борьба римлян с городами «Великой Греции». Завершение подчинения этруских городов.**
5. **Взаимоотношения Рима с подчиненными общинами.**

Основная учебная литература:

1. Буданова В.П., Токмаков В.Н., Уколова В.И., Чаплыгина Н.А. Древний Рим. Учебное пособие для вузов. М., 2006.
2. История Древнего Рима: Учебник / Под ред. В. И. Кузищина. 4-е изд. М., 2000.
3. Ковалев С. И. История Рима / Под ред. Э. Д. Фролова. М., СПб., 2006.

Дополнительная литература:

1. Дементьева В.В. Марк Фурий Камилл: древний портрет полководца в современной реставрации // ANTIQVITAS AETERNA. 2007. Вып. 2. С. 119-127.
2. Казаров С.С. История царя Пирра Эпирского. СПб., 2009. С. 257-374.
3. Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 87-128.
4. Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III-II вв. до н. э. М., 1971. С. 4-75.
5. Токмаков В. Н. Военная организация Рима ранней Республики (VI-IV вв. до н. э.). М., 1998. Токмаков В. Н. Марк Фурий Камилл: превратности судьбы и образ «второго Ромула» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 8. М., 2002. С. 365-390.
6. Токмаков В.Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн. М., 2007.

Первый вопрос предполагает изложение материала о защите римлянами своего нового государственного строя в борьбе с этруским царем Порсеной, на помощь которого опирался изгнанный Тарквиний Суперб. Продемонстрируйте знания сказаний о доблестях римских граждан (о Горации Коклесе, Муции Сцеволе и др.). Далее изложите сведения о I Латинской войне, о мире 493 г. до н. э. и создании Арицийской конфедерации (при этом вспомните легенды о Кориолане и Цинциннате). Расскажите о

столкновении с Вейями, их осаде и взятии. Дайте характеристику деятельности Марка Фурия Камилла как полководца и политика.

Второй вопрос начните излагать с наступления галлов в IV в. до н. э. Опишите битву при Алии, опустошение Рима, осаду Капитолия и ее снятие (обратите внимание на различные версии этого события в источниках). Отметьте возобновление Латинского союза. Изложите конфликт с Самнитской федерацией, результаты I Самнитской войны. Остановитесь на разногласиях в Арицийской конфедерации, II Латинской войне и ее итогах.

Третий вопрос включает в себя описание причин и событий II и III Самнитских войн. Взятие Неаполя. Поражение в Кавдии. Создание коалиции против Рима. Наступление римлян, роспуск Самнитской федерации.

В четвертом вопросе расскажите о последнем этапе борьбы Рима за овладение Италией. Соппротивление Тарента, сражения с Пирром. Подчинение греческих колоний на юге Италии. Поражение Вольсиний и окончательное завоевание Этрурии.

Пятый вопрос предполагает знание государственно-правовых форм, в которые были облечены взаимоотношения римского полиса с покоренными общинами. Раскройте понятия: «латинские колонии», «муниципии высшего ранга», «муниципии низшего ранга», «префектуры», «союзнические общины», «сдавшиеся».

ФРАГМЕНТЫ ИСТОЧНИКОВ ПО ТЕМЕ «ЗАВОЕВАНИЕ РИМОМ ИТАЛИИ»

Борьба римлян с этрусками после изгнания Тарквиниев

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга II. Пер. Н.А. Поздняковой.

6. (1) ...Тарквиний, раздосадованный обманувшею надеждою и пылая гневом и ненавистью, понял, что его коварству путь загражден, и задумал открытую войну. Он пошел просителем по городам Этрурии, (2) особенно взывая к вейянам и тарквинийцам, чтобы не дали они ему, человеку одного с ними происхождения, одной крови, исторгнутому из такого царства, ввергнутому в нищету, погибнуть на их глазах вместе с юными еще детьми. Других из чужой земли в Рим приглашали на царство, а его, царствовавшего, воевавшего за распространение римского могущества, преступным заговором изгнали близкие люди! (3) Они, не найдя меж собою кого-нибудь одного, достойного быть царем, схватили по частям царскую власть, имущество царское отдали на разграбление народу, чтобы не был никто к преступлению непричастен. Отечество свое, царство свое хочет он себе возвратить и наказать неблагодарных граждан; пусть поддержат его, пусть помогут, пусть отметят и за собственные былые обиды, за побитые не раз легионы, за отнятые земли. (4) Речи его взволновали вейян – они с грозным шумом требуют смыть позор и силой вернуть потерянное, хотя бы и под водительством римлянина. А тарквинийцев столь же волнует имя, сколь и родство: лестным кажется видеть своих царствующими в Риме. (5) И вот два войска двух городов устремляются за Тарквинием, чтобы вернуть ему царскую власть и войною покарать римский народ.

Вступив в римские земли, враги встретили обоих консулов: (6) Валерий вел пехоту боевым строем, а Брут – передовую конную разведку. Точно так же шла конница и перед вражеским войском, возглавлял ее царский сын Тарквиний Аррунт, а сам царь следовал за

ним с легионами. (7) Угадав издали консула сперва по ликторам, а потом уже ближе и вернее – в лицо, Аррунт, возгоревшийся гневом, воскликнул: «Вот кто изгнал нас, исторг из отечества. Вот как важно он выступает, красуясь знаками нашей власти! Боги – мстители за царей, будьте с нами!» (8) И, пришпорив коня, мчится он прямо на консула. Брут заметил, что на него скачут. Тогда считалось почетным, чтобы вожди сами начинали сражение: (9) рвется и Брут к поединку, и столь яростна была их сшибка, что ни тот ни другой, нанося удар, не подумал себя защитить, так что оба, друг друга пронзив сквозь щиты, за смертью пали с коней, насаженные на копья. Тотчас вступила в битву вся конница, за ней подоспела пехота; (10) бой шел с переменным успехом, и никто не взял верх: оба правые крыла победили, левые – отступили: (11) вейяне, привыкшие к поражениям от римлян, рассеялись и бежали; тарквинийцы же, новые нам враги, не только выстояли, но даже сами потеснили римлян.

7. (1) Хотя битва закончилась так, Тарквиния и этрусков вдруг охватил ужас, столь сильный, что, оставив затею как тщетную, оба войска, тарквинийцев и вейян, ночью разошлись по домам. (2) О битве этой рассказывают и чудеса: будто в ночной тишине из Арсийского леса раздался громовой голос, который сочли за голос Сильвана; он произнес: «У этрусков одним павшим больше: (3) победа у римлян!» Как бы то ни было римляне отсюда ушли победителями, этруски – побежденными, ибо, когда рассвело и ни одного врага не было видно вокруг, консул Публий Валерий собрал с павших доспехи и с триумфом вернулся в Рим.

9. (1) Затем консулами стали Публий Валерий повторно и Тит Лукреций [508 г.]. Тарквинии тем временем бежали к Ларту Порсене, царю Клузия. Здесь они, мешая советам и мольбам, то просили не покидать в нищете и изгнании их, природных этрусков по крови и имени, (2) то даже заклинали не позволять, чтобы гонения на царей безнаказанно вводились в обычай... (4) Порсена, полагая для этрусков важным, чтобы в Риме был царь, и притом этрусского рода, двинулся на Рим с вооруженным войском...

10. (1) Когда подошли враги, все перебрались с полей в город, а вокруг него выставили стражу. (2) Защищенный с одной стороны валом, с другой – Тибром, город казался в безопасности. Только Свайный мост чуть было не стал дорогою для врага, если бы не один человек – Гораций Коклес; в нем нашло оплот в этот день счастье города Рима. (3) Стоя в карауле у моста, он увидел, как внезапным натиском был взят Яникульский холм, как отсюда враги бегом понеслись вперед, а свои толпой побежали в страхе, бросив оружие и строй. Тогда, останавливая бегущих по-одиночке, (4) становится он на их пути и, людей и богом призывая в свидетели, начинает объяснять, что бессмысленно так бежать без оглядки; ведь если они, перейдя через мост, оставят его за спиною, то сразу же на Палатине и на Капитолии будет еще больше врагов, чем на Яникуле. Потому-то он просит, приказывает им разрушить мост огнем ли железом ли, чем угодно; а сам он примет на себя натиск врагов и в одиночку будет держаться, сколько сумеет.

(5) И вот он вышел один к началу моста, хорошо заметный среди показавших врагам свои спины, его оружие было изготовлено к рукопашной, и самой этой невероятной отвагой он ошеломил неприятеля. (6) Двоих еще удержало с ним рядом чувство стыда: Спурия Ларция и Тита Герминия, известных знатностью и подвигами. (7) С ними отразил он первую бурю натиска и самый мятежный порыв схватки; а когда от моста оставалась уже малая часть, он и их отослал на зов разрушавших в безопасное место. (8) Грозный, свирепо обводя взглядом знатнейших этрусков, он то вызывает их поодиночке на бой, то громко бранит всех разом: рабы надменных царей, не пекущиеся о собственной свободе, они ли это пришли посягать на чужую? (9) Некоторое время те медлят, оглядываясь друг на друга, кто первым начнет сражение; но потом стыд взял верх, и под громкие крики в единственного противника со всех сторон полетели дротики. (10) Все их принял он на выставленный щит и, твердо стоя, с тем же упорством удерживал мост – его уже пытались, напирая, столкнуть в реку, как вдруг треск рушащегося моста и крик римлян, возбужденных успехом своих усилий, отпугнули нападение. (11) Тогда-то воскликнул Коклес: «Отец

Тиберин! Тебя смиренно молю: благосклонно прими это оружие и этого воина!» – и как был, в доспехах, бросился в Тибр. Невредимый, под градом стрел, переплыл он к своим – таков был его подвиг, стяжавший в потомках больше славы, чем веры. (12) Столь великая доблесть была вознаграждена государством: ему поставили статую на Комиции, а земли дали столько, сколько можно опашать плугом за день. (13) С общественными почестями соперничало усердие частных лиц; сколь ни скудно жилось, каждый сообразно с достатком принес ему что-нибудь от себя, урывая из необходимого.

11. (1) Порсена, отраженный в своем первом натиске, принял решение перейти от приступа к осаде: выставил стражу на Яникуле, а лагерь расположил на равнинном берегу Тибра, собрав к нему отовсюду суда и для надзора, (2) чтобы не было в Рим подвоза продовольствия, и для грабежа, чтобы воины могли переправляться при случае где угодно. (3) Скоро римские окрестности стали так небезопасны, что, не говоря о прочем, даже скот из окрестностей сгоняли в город, не решаясь пасти его за воротами...

12. (1) Осада тем не менее продолжалась, продовольствие скудело и дорожало, (2) и Порсена уже надеялся взять город не сходя с места, когда объявился знатный юноша Гай Муций, которому показалось обидным, что римский народ, ни в какой войне ни от каких врагов не знавший осады, даже в те времена, когда рабски служил царям, (3) ныне, уже свободный, осажден этрусками, столько раз уже им битыми. И вот, решившись смыть этот позор каким-нибудь отчаянным поступком невероятной дерзости, он замыслил проникнуть в неприятельский лагерь. (4) Однако из опасения, что, пойдя без ведома консулов и втайне от всех, он может быть схвачен римскою стражею как перебежчик, Муций явился в сенат. (5) «Решился я, отцы-сенаторы, – сказал он, – переплыть Тибр и, если удастся, проникнуть во вражеский лагерь; не грабить, не мстить за разбой, – нечто большее замыслил я совершить, если помогут боги». Сенаторы одобряют. И он удаляется, скрыв под одеждою меч. (6) Придя в лагерь, попал он в густую толпу народа перед царским местом. (7) Там как раз выдавали жалованье войскам и писец, сидевший рядом с царем почти в таком же наряде, был очень занят, и воины к нему шли толпою. Боясь спросить, который из двух Порсена, чтобы не выдать себя незнанием царя, он делает то, к чему толкнул его случай, – вместо царя убивает писца. (8) Прорубаясь оттуда окровавленным мечом сквозь смятенную толпу, в шуме и давке, он был схвачен царскими телохранителями, и его приволокли к царю. Здесь, перед возвышением, даже в столь грозной доле (9) не уstraшаясь, а уstraшая, он объявил: «Я римский гражданин, зовут меня Гай Муций. Я вышел на тебя, как враг на врага, и готов умереть, как готов был убить: римляне умеют и действовать, и страдать с отвагою. (10) Не один я питаю к тебе такие чувства, многие за мной чередою ждут той же чести. Итак, если угодно, готовься к недоброму: каждый час рисковать головой, встречать вооруженного врага у порога. (11) Таковую войну объявляем тебе мы, римские юноши; не бойся войска, не бойся битвы, – будешь ты с каждым один на один». (12) Когда царь, горя гневом и страшась опасности, велел вокруг развести костры, суля ему пытку, если он не признается тут же, что скрывается за его темной угрозой, (13) сказал ему Муций: «Знай же, сколь мало ценят плоть те, кто чает великой славы!» – и неспешно положил правую руку в огонь, возжженный на жертвеннике. И он жег ее, будто ничего не чувствуя, покуда Царь, пораженный этим чудом, не вскочил вдруг со своего места и не приказал оттащить юношу от алтаря. (14) «Отойди, – сказал он, – ты безжалостнее к себе, чем ко мне! Я велел бы почтить такую доблесть, будь она во славу моей отчизны; ныне же по праву войны отпускаю тебя на волю целым и невредимым». (15) Тогда Муций, как бы воздавая за великодушие, сказал: «Поскольку в такой чести у тебя доблесть, прими от меня в дар то, чего не мог добиться угрозами: триста лучших римских юношей, поклялись мы преследовать тебя таким способом. (16) Первый жребий был мой; а за мною последует другой, кому выпадет, и каждый придет в свой черед, пока судьба не подставит тебя удару!»

13. (1) Когда был отпущен Муций, которого потом за потерю правой руки нарекли Сцеволой, Порсена послал в Рим послов; (2) так потрясло его и первое покушение, от которого

он уберется лишь по ошибке убийцы, и опасность, грозящая впредь столько раз, сколько будет заговорщиков, что он сам от себя предложил римлянам условия мира. (3) Предложение возвратить Тарквиниям царскую власть было тщетным, и он сделал его лишь потому, что не мог отказать Тарквиниям, а не потому, что не предвидел отказа римлян. (4) Зато он добился возвращения вейянам захваченных земель и потребовал дать заложников, если римляне хотят, чтобы уведены были войска с Яникула. На таких условиях был заключен мир, и Порсена увел войско с Яникула и покинул римскую землю. (5) Гаю Муцию в награду за доблесть выдали сенаторы поле за Тибром, которое потом стали называть Муциевыми лугами. (6) Такая почесть подвигла даже женщин к доблестному деянию во имя общего дела: одна из девушек-заложниц, по имени Клелия, воспользовавшись тем, что лагерь этрусков был расположен недалеко от Тибра, обманула стражу и, возглавив отряд девушек, переплыла с ними реку под стрелами неприятеля, всех вернув невредимыми к близким в Рим. (7) Когда о том донесли царю, он поначалу, разгневанный, послал вестников в Рим вытребовать заложницу Клелию – остальные-де мало его заботят; (8) а затем, сменив гнев на изумление, стал говорить, что этим подвигом превзошла она Коклеса и Муциев, и объявил, что, если не выдадут заложницу, он будет считать договор нарушенным, если же выдадут, он отпустит ее к своим целой и невредимой. (9) Обе стороны сдержали слово: и римляне в соответствии с договором вернули залог мира, и у этрусского царя доблесть девушки не только осталась безнаказанной, но и была вознаграждена; царь, похвалив ее, объявил, что дарит ей часть заложников и путь выберет кого хочет. (10) Когда ей вывели всех, она, как рассказывают, выбрала несовершеннолетних; это делало честь ее целомудрию, и сами заложники согласились, что всего правильней было освободить тех, чей возраст наиболее незащищен. (11) А по восстановлении мира небывалая женская отвага прославлена была небывалой почестью – конной статуей: в конце Священной улицы воздвигли изображение девы, восседающей на коне...

15. (1) Затем Спурий Ларций и Тит Герминий стали консулами, за ними – Публий Лукреций и Публий Валерий Публикола [507—506 гг.]. В том году в последний раз пришли послы от Порсены хлопотать о возвращении Тарквиниев на царство... (7) Лишась всякой надежды на возвращение, Тарквиний отправился изгнанником в Tusculum к зятю своему Мамилию Октавию, а у римлян с Порсеною установился прочный мир.

Вопросы по тексту источника:

1. Какие города – в описании Ливия – помогли Тарквинию в борьбе с Римом?
2. В чем, согласно римской нарративной традиции, заключался подвиг Горация Коклеса?
3. Какое прозвище получил Гай Муций?
4. Каким образом девушка Клелия оказалась в лагере этрусков?

I Латинская война (499-493 гг.)

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга II. Пер. Н.А. Поздняковой.

19. (1) Консулы Сервий Сульпиций и Маний Туллий [500 г.]; ничего достопамятного не сделано. За ними Тит Эбуций и Гай Ветусий [499 г.]. (2) В их консульство Фидены осаждены, Крустумерия взята, Пренеста перешла от латинов к римлянам. Нельзя было дольше откладывать латинскую войну, исподволь тлевшую уже несколько лет. (3) Диктатор Авл Постумий и начальник конницы Тит Эбуций выступили с большими пешими и конными силами и у Регилльского озера в тускуланской земле встретили войско неприятеля; (4) услышав же, что в латинском войске были Тарквинии, не могли сдержать гнева и тотчас начали сражение. (5) Оттого эта битва была тяжелей и жесточе других. Не только рас-

поряжаясь, вожди заправляли делом, но и сами бились врукопашную, смешиваясь с другими воинами, и почти никто из знатных, кроме римского диктатора, ни свой, ни чужой, не вышел из боя непораненным. (6) На Постумия, что ободрял и выстраивал воинов в первом ряду, направил коня Тарквиний Гордый, уже отяжелевший с годами и силой врагу уступавший; он был поражен в бок, и свои, подбежав, увели его в безопасное место. (7) И на другом крыле начальник конницы Эбуций бросился на Октавия Мамилия, но не застал тускуланского вождя врасплох, и тот, обратившись к нему, прищипорил коня. (8) Враги налетели друг на друга с копьями наперевес, и удар был так силен, что Эбуцию пробило руку, Мамилия ранило в грудь. (9) Он отступил во второй ряд латинов, Эбуций же, чья поврежденная рука не могла удержать дротика, ушел с поля боя. (10) Латинский вождь, ничуть не уstraшенный раной, хочет разжечь битву и, увидев, что воины его отступают, призывает колонну римских изгнанников во главе с сыном Луция Тарквиния. И эти, сражаясь с великой злобой за отобранное добро и родину отнятую, на время взяли верх в битве.

20. (1) И уже отступали тут римляне, когда Марк, брат Валерия Публиколы, заметил пылкого молодого Тарквиния, величавшегося в первом ряду изгнанников, (2) и, воспламенясь славой своего дома, захотел умножить честь изгнания царей честью их уничтожения; прищипорив коня, он направил оружие навстречу Тарквинию. (3) Видя устремленного на него врага, Тарквиний отступает в свои ряды, а Валерия, опрометчиво въехавшего в строй изгнанников, кто-то из них пронзает, подоспев сбоку; конь продолжает бег, умирающий римлянин соскальзывает на землю, а оружие падает на его тело. (4) Диктатор Постумий, видя, что такой муж погиб, что изгнанники стремительно напирают, а собственные его воины отступают под ударами, (5) дает приказ отборной когорте, состоявшей при нем для охраны: считать врагом всякого, покинувшего строй. Двойной страх удержал римлян от бегства; они поворачивают на врага и восстанавливают ряды. (6) Когорта диктатора первой вступает в бой; ударив со свежими силами и отвагою, рубят они обессилевших изгнанников. (7) Тогда произошел другой поединок между предводителями. Латинский полководец, увидев когорту изгнанников почти окруженной воинами римского диктатора, поспешно ввел в первые ряды несколько вспомогательных манипулов. (8) Их передвижение заметил легат Тит Герминий, среди прочих по приметной одежде и доспехам он узнал Мамилия и с еще большим неистовством, чем прежде начальник конницы, кинулся на вражеского вождя, (9) с одного удара пронзил и убил Мамилия, сам же, снимая доспехи с вражеского тела, был поражен копьем; победивший, он был перенесен в лагерь и, как только начали его перевязывать, скончался. (10) Тогда диктатор подлетает к всадникам, умоляя их спешиться и принять на себя бой, потому что пехота уже обессилела. Те повинуются, соскакивают с коней, выбегают в первые ряды и прикрывают передовых щитами. (11) Тотчас воодушевляются полки пехотинцев, видя, что знатнейшие юноши сражаются наравне с ними, подвергаясь такой же опасности, чтобы преследовать неприятеля. Тут-то и дрогнули латины, подавшись под ударами: (12) всадникам подвели коней, а за ними последовали пехотинцы. Тогда, говорят, диктатор, уповая и на божественные и на человеческие силы, дал обет посвятить храм Кастору и объявил награду тому, кто первым, и тому, кто вторым ворвется в неприятельский лагерь. (13) Столь велико было воодушевление, что единым напором римляне погнали врага и овладели лагерем. Такова была битва у Регилльского озера. Диктатор и начальник конницы вернулись в город триумфаторами.

21. (1) Три года подряд не было потом ни прочного мира, ни войны [498—495 гг.]...(5) Потом консулами стали Аппий Клавдий и Публий Сервилий [495 г.]. Тот год ознаменован известием о смерти Тарквиния. Скончался он в Кумах, куда после разгрома латинов удался к тирану Аристодему...

22. (1) С племенем вольсков во время латинской войны не было ни войны, ни мира; вольски, однако, уже приготовили отряды и послали бы их на помощь латинам, не упреди их римский диктатор; а торопились римляне, чтобы не воевать разом и с латинами и с вольсками. (2) Раздраженные всем этим, консулы двинули легионы в землю вольсков. Воль-

ски, не ждавшие возмездия за одни только замыслы, застигнуты были врасплох; не помышляя о сопротивлении, они дают в заложники триста детей из знатнейших семейств Коры и Помеции. Так легионы были отведены без боя. (3) Но немного спустя вольски, оправившиеся от страха, вновь принялись за прежнее; опять они тайно готовят войну, вступают в военный союз с герниками (4) и повсюду рассылают послов, чтобы поднять на борьбу Лаций. Однако недавнее поражение при Регилльском озере настолько исполнило латинов гневом и ненавистью к любому подстрекателю войны, что они не остановились даже перед оскорблением послов: схватили вольсков и отправили в Рим, а там выдали их консулам и доложили, что вольски и герники готовят войну против римлян. (5) За это сообщение сенаторы были так благодарны латинам, что вернули им шесть тысяч пленных и передали новым должностным лицам дело о договоре, о котором прежде не хотели и слышать...

33. (1) [493 г.]...консулами стали Спурий Кассий и Постум Коминий. (4) При этих консулах был заключен союз с латинскими народами.

Вопросы по тексту источника:

1. Где произошло первое крупное сражение между римлянами и латинами?
2. Какими действиями латины добились заключения мирного договора с римлянами?

Возобновление конфликта с этрусками. Взятие города Вей.

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга II. Пер. Н.А. Поздняковой.

43. (1) Консулами стали Квинт Фабий и Гай Юлий [482 г.]. В том году внутренние раздоры были не меньшими, а внешняя война более грозной. Эквы взяли за оружие, а вейяне вторглись в римскую землю и разоряли ее. (2) Эти войны внушали все больше тревог, когда консулами сделались Цезон Фабий и Спурий Фурий. Эквы осаждали Ортону, латинский город; вейяне, пресытись уже грабежами, грозили осадой самому Риму.

44. [480 г.] (7) Потом консулы отправились воевать с вейянами, к которым стеклись вспомогательные отряды со всей Этрурии, – не столько из расположения к вейянам, сколько в надежде, что римское государство может наконец распасться от внутренних раздоров...

45. (1) Да и римские консулы не боялись ничего, кроме собственных воинов и собственного оружия. Память о горчайшем уроке последней войны предостерегала их от сражения, в котором пришлось бы ждать худа от обоих войск сразу. (2) Ввиду этой двойной опасности отсиживались они в лагере, ожидая, что, может быть, время и обстоятельства сами собой смягчат гнев и отрезвят души. (3) Тем сильнее спешили враги – вейяне и этруски; они подстрекали римлян к битве – сначала приближаясь к их лагерю и выманивая на бой, потом, ничего не добившись, громко понося то самих консулов, то войско: (4) нашли, мол, средство от страха – притворные раздоры, ведь не своих воинов опасаются консулы, но их трусости...(11) Но и римляне не в силах дольше терпеть оскорблений: по всему лагерю с разных сторон бегут воины к консулам, подступают к ним уже не с осторожностью, не через центурионов, как раньше, а все наперебой с громкими криками. Час настал, но консулы медлят. (12) И тут Фабий, когда товарищ его из страха мятежа был готов уступить нарастающему волнению, дал трубный знак к тишине и сказал: «Я знаю, Манлий, что победить они могут, но их вина, что не знаю, хотят ли. (13) Поэтому твердо решено не давать знака к выступлению, покуда не поклянутся они, что вернутся из этого боя победителями. Римского консула воины раз обманули в битве, но богов никогда не обманут». Был тут центурион Марк Флаволей, среди первых рвавшийся к битве. (14) «Победителем я из боя вернусь, Марк Фабий!» – возглашает он, призывая на себя гнев отца-Юпитера, Марса

Градива и других богов, если солжет. Ту же клятву, каждый за себя, дает и все войско. После клятвы дают сигнал к наступлению, хватаются за оружие, бросаются в бой, исполненные надежды и гнева. (15) Пусть теперь посмеют браниться этруски, пусть теперь, перед оружием, попридержит враг языки! (16) В этот день все, и плебеи и патриции, выказали редкую доблесть и самой блистательной стала слава Фабиев. Озлобившие плебеев во многих гражданских распрях, этой битвой пожелали они их с собой примирить.

46. (1) Строят ряды, не уклоняется и враг: ни вейяне, ни этруские легионы. Почти твердой была их уверенность, что и с ними сражаться будут не лучше, чем недавно с эквами; больше того, что при таком раздражении римских воинов и в столь двусмысленных обстоятельствах их нельзя считать неспособными даже на худшее преступление. (2) Вышло же все по-иному; грозно, как ни в какой прежде войне, начали сражение римляне, так их разъярили враги насмешками, консулы промедлением. (3) Этруски едва успели развернуть строй, среди первой сумятицы не метнув даже, а наугад пустив дротики, как дело уже дошло до рукопашной; меч на меч, когда бой всего неистовей. (4) В первых рядах лучшее зрелище, лучший пример являл согражданам род Фабиев. Квинта Фабия, позапрошлогоднего консула, первым бросившегося на строй вейян и забывшего осторожность в толпе врагов, этрусский воин, умелый и сильный, поразив мечом в грудь, пронзает насквозь; вырвавши клинок, Фабий падает ничком. (5) Гибель одного этого мужа сразу сделалась ощутимой в обеих войсках; и римляне уже было начали отступать, когда консул Марк Фабий, перепрыгнув через простертое тело и выставив вперед круглый щит, воскликнул: «В том ли клялись вы, воины, что вернетесь в лагерь беглецами? (6) Или вы больше боитесь трусливейшего врага, чем Юпитера и Марса, которыми вы клялись? А я, не клявшийся, либо вернусь победителем, либо тут найду смерть в бою возле тебя, Квинт Фабий!» Отозвался консулу Цезон Фабий, консул предыдущего года: «Словами ли этими, брат, ты думаешь призвать их к бою? (7) Призовут их боги, которыми они поклялись; нам же, как и подобает лучшим, как достойно имени Фабиев, должно убеждать воинов боем, а не увещеваниями!» С копьями наперевес устремляются оба Фабия вперед и увлекают за собою все войско.

47. (9) Победа была блистательная, но омраченная гибелью двух славных мужей. (10) Поэтому на решение сената о триумфе консул ответил, что если может войско без полководца справлять триумф, то в этой войне оно его заслужило, и он охотно даст свое позволение; но сам из-за смерти брата, Квинта Фабия, погрузившей в скорбь его дом, из-за утраты второго консула, наполовину осиротившей государство, не примет лаврового венка, неприличного ему в государственных и домашних печалях.

48. (1) И вот, стараниями как патрициев, так и плебеев консулом стал Цезон Фабий в паре с Титом Вергинием [479 г.]... (5) В войне с вейянами опрометчивость второго консула привела к поражению и войско было бы погублено, не подоспей вовремя Цезон Фабий на помощь. С той поры не было с вейянами ни войны, ни мира – действия их были чем-то вроде разбоя: (6) завидев римские легионы, они прятались в город, а зная, что легионов нет, разоряли поля, как бы в насмешку оборачивая войну миром, а мир – войной. Так что нельзя было ни бросить все это дело, ни довести его до конца. Угрожали и другие войны: угроза исходила от вольсков и эквов, остававшихся спокойными, лишь пока свежа была горечь последнего поражения, или – на недалекое будущее – от всегда враждебных сабинян, а также от всей Этрурии. (7) Но враждебные Вейи досаждали скорей неотвязностью, нежели силою, чаще обидами, чем опасностью, поскольку все время требовали внимания и не позволяли заняться другим. (8) Тогда род Фабиев явился в сенат. От лица всего рода консул сказал: «Известно вам, отцы-сенаторы, что война с вейянами требует сторожевого отряда скорей постоянного, чем большого. Пусть же другие войны будут вашей заботой, а вейских врагов предоставьте Фабиям. Мы поручою, что величие римского имени не потерпит ущерба. (9) Эта война будет нашей, как бы войной нашего рода, и мы намерены вести ее на собственный счет, от государства же не потребуются ни воинов, ни денег». Сенат отвечает им великой благодарностью. (10) Выйдя из курии, консул в сопровождении

отряда Фабиев (они дожидались решения сената, стоя у дверей) отправился домой. Получив приказ на следующий день в оружии явиться к дому консула, они расходятся по домам.

49. (1) Молва расходится по всему Городу. Фабиев превозносят до небес: один род принял на себя бремя государства, вейская война передана в частные руки, частному оружию. (2) Будь в Городе еще два рода такой же силы – один взял бы на себя вольсков, другой – эквов, и римский народ мог бы подчинить все соседние, сам благоденствуя в безмятежном мире. На другой день Фабии берутся за оружие и сходятся, куда ведено. (3) Консул, выйдя из дому в военном плаще, видит род свой построенным для похода; став в середину, он приказывает выступать. Никогда еще ни одно войско, столь малое числом и столь громкое славой, при всеобщем восхищении не шествовало по Городу. (4) Триста шесть воинов, все патриции, все одного рода, из коих любого самый строгий сенат во всякое время мог бы назначить вождем, шли, грозя уничтожить народ вейян силами одного семейства. (5) Их сопровождала толпа: тут были и свои – родственники и друзья, забывшие про обыкновенные надежды и страхи, помышлявшие лишь о великом; были и другие, взволнованные заботой об общем деле, охваченные сочувствием и восхищением. (6) Им желают сил, желают удач, чтоб не хуже начинания был исход; а на дальнейшее – и консульских должностей, и триумфов, и всех наград, всех почестей. (7) Когда проходили они мимо Капитолия, Крепости и других храмов, то всем богам, которых видел и вспоминал народ, всякий раз возносил он молитвы, чтобы счастлив был поход и удачен, чтобы вскорости вернулись все невредимыми в отчизну к родителям. (8) Тщетны были эти мольбы. Несчастливой улицей вышли они через правую арку Карментальских ворот из Города и дошли до реки Кремеры. Это место показалось подходящим для постройки укрепления. (9) Затем Луций Эмилий и Гай Сервилий стали консулами [478 г.]. И, пока действия ограничивались лишь разорением полей, Фабиев хватало не только для защиты своего укрепления, но и всех земель вдоль границы римлян и этрусков; охраняя свое, тревожа врагов, бродили они по обе стороны границы. (10) Потом в набегах был небольшой перерыв – вейяне, вызвав войско из Этрурии, осадили укрепление на Кремере, и римские легионы, приведенные консулом Луцием Эмилием, сошлись лицом к лицу с этрусками. Впрочем, у вейян почти не было времени развернуть войско: (11) еще среди первой сумятицы, пока они после данного знака выстраивали ряды и размещали запасные отряды, внезапно налетевшая сбоку конная ала римлян не дала им не только начать сражение, но даже и устоять на месте. (12) Отброшенные назад, к Красным Скалам, где был у них лагерь, смиренно запросили они мира; а получив его, по прирожденному непостоянству стали о том жалеть еще до отвода римских войск с Кремеры.

50. (1) И вновь начались столкновения вейян с Фабиями – без подготовки, какой требовала бы настоящая война; и все же дело не ограничивалось разорением полей и внезапными нападениями на разорителей; несколько раз сражались и под знаменами в открытом бою. (2) И часто один только римский род одерживал победу над сильнейшим по тем временам этрусским городом. (3) Вейяне сначала огорчились и негодовали; но потом, рассудив по обстоятельствам, задумали заманить неустрашимого врага в ловушку и даже радовались тому, что от успехов дерзость Фабиев все росла. (4) Не однажды, когда выходили Фабии на добычу, навстречу им, как бы случайно, выпускали скот, селяне разбегались, оставляя свои поля, а вооруженные отряды, высланные для отпора, обращались в бегство, чаще в притворном, чем в действительном страхе. (5) А Фабии уже настолько презирали врага, что поверили, будто он нигде и никогда не сможет их победить. Эта самонадеянность и довела их до того, что, увидев с Кремеры стадо, пасущееся далеко в поле, они к нему ринулись, хотя кое-где и можно было разглядеть вооруженных врагов. (6) И, когда Фабии, ничего не замечая, стремительно пронеслись мимо расставленных вокруг дороги засад и, рассыпавшись по полю, стали ловить разбежавшийся в переполохе скот, вдруг перед ними из засад появились враги. (7) Со всех сторон сперва поднялся пугающий крик, затем полетели дротики; сходясь отовсюду, этруски окружали Фабиев уже плотной толпой воору-

женных, и, чем сильнее был напор врагов, тем меньше оставалось места для кольцевой обороны (8) и делалось все заметней, как малочисленные Фабии и как много этрусков, теснивших их все умножающимися рядами. (9) Тогда, перестав отбиваться по всему кругу, обратились они в одну сторону. Действуя и оружием, и собственным телом, они, построившись клином, пробивают себе дорогу. (10) Путь их привел на высокий пологий холм. Здесь они сначала остановились; а затем, когда выгодное местоположение позволило им перевести дух и приободриться, даже отбили поднимавшихся к ним врагов. В столь удобном месте малый отряд стал было побеждать, но посланные в обход вейяне вышли на вершину холма. Превосходство опять было у врагов. (11) Фабии были все до одного перебиты, а их укрепление взято. Все сходится на том, что погибло триста шесть человек и в живых остался только один почти взрослый отпрыск Фабиева рода, чтобы впоследствии в обстоятельствах трудных для римского народа приносить ему величайшую пользу.

51. (1) Когда стало известно об этом несчастье, консулами были уже Гай Гораций и Тит Менений [477 г.]. Менений тотчас был послан против этрусков, гордых своей победой. (2) Но опять битва была неудачна: враги заняли Яникульский холм, и не миновать бы осады Городу, теснимому, помимо войны, и бесхлебьем (ведь по обе стороны Тибра стояли этруски), если бы не подоспел консул Гораций, вызванный из земли вольсков. Война настолько приблизилась к самым стенам Города, что сражаться пришлось сначала у храма Надежды, где не осилил никто и еще раз – у Коллинских ворот. (3) Тут римляне получили – пусть незначительный – перевес, и это вселило в воинов прежнюю уверенность, укрепив их для будущих битв. (4) Консулами сделались Авл Вергиний и Спурий Сервилий [476 г.]. Потерпевшие только что поражение, вейяне воздержались от битвы и начали разорять поля; с Яникульского холма, как из крепости, они нападали на все римские земли – ни скот, ни селяне нигде не были в безопасности. (5) Пойманы были враги точно так же, как сами раньше поймали Фабиев. Гонясь за выгнанным там и сям для приманки скотом, они угодили в засаду. Насколько их было больше, настолько кровопролитней была резня. (6) Злость и ярость от этой неудачи послужили причиной и началом еще худшего поражения. Переплыв ночью Тибр, они подступили к лагерю консула Сервилия. Отбитые, с большими потерями, кое-как возвратились они на Яникул. (7) Консул тотчас сам переходит Тибр и становится лагерем под Яникулом. Утром следующего дня он, ободренный вчерашней удачей и жаждавший битвы, а главное, побуждаемый нехваткою продовольствия к предприятиям хоть опасным, да более скорым, опрометчиво повел строй вверх по Яникулу на вражеский лагерь, но был отбит с еще большим позором, чем накануне враги, (8) и только прибытием второго консула он и войско его были спасены. (9) Оказавшись между двух консульских армий и обращая тыл то к одной, то к другой, этруски были полностью уничтожены. Так счастливая опрометчивость положила конец вейской войне.

53. (1) [475 г.] ...началась война с вейянами, к которым присоединились сабиняне. Консул Публий Валерий призвал вспомогательные отряды от латинов и герников и, посланный с войском к Вейям, тотчас напал на сабинский лагерь, расположенный перед стенами союзников, и навел такой страх, что, покуда враги пытались небольшими рассеянными вылазками сдерживать напор римлян, он ворвался в лагерь через первые же атакованные им ворота, (2) а внутри была уже скорее резня, чем сражение. Смятение из лагеря перекидывается и в город; как если бы Вейи были взяты, – в таком страхе кидаются вейяне к оружию. Часть их идет на помощь сабинянам, другая нападает на римлян, полностью занятых вражеским лагерем. (3) Ненадолго римлян удалось привести в замешательство; но затем они, обратив в обе стороны свои знамена, выдерживают натиск, а конница, высланная консулом, рассеивает этрусков и обращает их в бегство. В течение часа два войска, два сильнейших и многочисленнейших соседних народа были побеждены.

54. (1) Затем были консулы Луций Фурий и Гай Манлий [474 г.]. Манлию по жребию достались Вейи. Войны здесь, однако, не было; по просьбе вейян заключено было сорокалетнее перемирие; их обязали поставлять зерно и платить дань.

58. (6) В следующем году [406 г.], когда военными трибунами с консульской властью были Публий и Гней Корнелии Коссы, Нумерий Фабий Амбуст и Луций Валерий Потит, война с вейянами началась из-за высокомерия тамошнего сената, который в ответ на требования послов возместить убытки велел передать, чтоб они убирались вон из их города и владений, иначе они получают то, (7) что когда-то послы получили от Ларса Толумния...

61. (1) Трибунами стали Тит Квинкций Капитолин, Квинт Квинкций Цинциннат, Гай Юлий Юл во второй раз, Авл Манлий, Луций Фурий Медуллин в третий раз и Марк Эмилий Мамерк [405 г.]. Первым делом они осадили Вейи. (2) Хотя, как только началась осада, этруски толпою сошлись к святилищу Волтумны и совещались, но решения о том, чтобы общими усилиями всего народа оказать военную помощь вейянам, принято не было. (3) В следующем году осада пошла вяло, потому что часть трибунов была отозвана для войны с вольсками.

1. (1) В других местах был заключен мир, а римляне и Вейи продолжали воевать с таким неистовством и злобой, что побежденному нечего было рассчитывать на пощаду. Комиции у обоих народов приняли совершенно противоположные решения; (2) римляне увеличили число военных трибунов с консульской властью, их было избрано восемь человек – сколько еще никогда раньше не избиралось: Марк Эмилий Мамерк во второй раз, Луций Валерий Потит в третий, Аппий Клавдий Красс, Марк Квинктилий Вар, Луций Юлий Юл, Марк Постумий, Марк Фурий Камилл, Марк Постумий Альбин [403 г.]. (3) Напротив, вейяне выбрали царя, устав от вражды, которую всякий год разжигала борьба честлюбии...

2. (1) Поскольку римские полководцы возлагали надежды скорее на осаду, нежели на приступ, началось строительство зимнего лагеря, что было в новинку римскому воину; предстояло продолжать войну, стоя на зимних квартирах...

7. (2) Когда насыпь была подведена к городу и осадные навесы вот-вот должны были соединиться со стенами, ворота внезапно открылись (ибо сооружения эти усерднее возводились днем, чем охранялись ночью), огромная толпа, вооруженная по преимуществу факелами, подпалила навесы, (3) и пламя в одно мгновение поглотило и их, и насыпь, и все плоды столь длительных трудов. От оружия и огня погибли также и многие воины, тщетно пытавшиеся исправить дело... (11) Но вот сенаторов призвали обратно в курию, (12) где и было принято постановление, обязывавшее военных трибунов поблагодарить на сходке и конных и пеших воинов и передать им, что сенат всегда будет помнить об их любви к родине, но считает все же необходимым всем тем, кто вызвался добровольно служить вне положенного срока, заплатить причитающееся им жалованье. Определенная сумма была назначена и всадникам, (13) которые именно тогда впервые стали проходить службу со своими собственными конями. Это добровольческое войско, будучи приведено под Вейи, не только восстановило уничтоженные осадные сооружения, но даже возвело новые. Продовольствие из Города стали подвозить с еще большим тщанием, нежели раньше, дабы столь достойное войско не испытывало ни в чем недостатка.

8. (1) На следующий год [402 г.] военными трибунами с консульской властью стали Гай Сервилий Агала в третий раз, Квинт Сервилий, Луций Вергиний, Квинт Сульпиций, Авл Манлий во второй раз, Марк Сергий во второй раз... (4) В Вейях, к которым в то время были обращены общие помыслы, дела шли не лучше: с одной стороны, римские полководцы пылали гневом друг на друга больше, чем на врага, а с другой – война разгорелась еще сильнее из-за внезапного появления капенцев и фалисков. (5) Две эти этруские общины, будучи расположены по соседству, считали, что после разгрома Вей настанет их очередь; (6) фалиски же имели и свои причины для враждебности: они уже раньше вязза-

лись в фиденскую войну. Обменявшись послами и взаимно связав друг друга клятвами, они внезапно явились с войсками к Вейям... (8) Римский лагерь подвергся нападению с обеих сторон, воины метались, переноса боевые знамена то туда, то сюда, и в результате не удалось ни вейян удержать в их стенах, ни свои собственные отстоять от врага, наседавшего извне. (9) Оставалось лишь надеяться, что подоспеет помощь из главного лагеря и тогда одни легионы смогли бы противостоять капенцам и фалискам, а другие вылазке горожан. Но главным лагерем командовал Вергиний, ненавидевший Сергия и сам ненавидимый ему. (10) Зная, что почти все бастионы пали, укрепления взяты и враг наступает с обеих сторон, он привел своих воинов в боевую готовность, но продолжал держать их в лагере, твердя, что, если появится нужда в подмоге, другой трибун пошлет за ней. (11) Упрямство одного не уступало заносчивости другого. Сергий предпочел потерпеть поражение от врага, чем победить вместе с соотечественником, лишь бы не показалось, что он одалживается у недруга. (12) Воины несли потери в окружении, пока наконец не покинули укрепления; немногие устремились в главный лагерь, а большинство, в том числе и сам Сергий, – в Рим. Поскольку там он перекладывал всю вину на Вергиния, решено было вызвать того из лагеря, возложив в его отсутствие командование на легатов. (13) Затем дело слушалось в сенате, где товарищи по должности наперебой поносили друг друга. Среди сенаторов лишь немногие защищали интересы государства, большинство стояло за одного или за другого из противников в зависимости от личной привязанности или признательности.

10. (1) Военными трибунами с консульской властью были избраны Луций Валерий Потит в четвертый раз, Марк Фурий Камилл во второй, Марк Эмилий Мамерк в третий, Гней Корнелий Косс во второй, Цезон Фабий Амбуст и Луций Юлий Юл [401 г.].

12. (4) ...потерянный лагерь под Вейями удалось вернуть и даже укрепить бастионами и заставами (там командовали военные трибуны Марк Эмилий и Цезон Фабий). (5) Кроме того, и Марк Фурий у фалисков, и Гней Корнелий в капенской земле, обнаружив противника укрывшимся за городскими стенами, грабили и опустошали окрестности; они сжигали поместья и хлеба, но не пытались взять города ни приступом, ни осадой.

13. [400 г.]. (9) Между тем под Вейями три войны слились в одну, и страх римлян умножился: внезапно на помощь осажденным подошли капенцы и фалиски, так что пришлось, как и в прошлый раз, с двух сторон сдерживать на своих укреплениях удар трех армий. (10) Но еще свежо было в памяти осуждение Сергия и Вергиния: из того самого большого лагеря, откуда в прошлый раз тщетно ожидали подмоги, в тыл капенцам были выведены войска, как только враги развернулись против римского вала. (11) Разгоревшаяся битва посеяла страх и среди фалисков, врагов охватила паника, и удачная вылазка из лагеря обратила их в бегство. Победители пустились преследовать бегущих и учинили небывалую дотоле резню. (12) А через короткое время на уже рассеявшихся врагов вдруг наткнулись римские воины, разорявшие капенские поля, – они-то и добились тех, кто спасся после поражения. (13) Большие потери понесли и вейяне – как только началось бегство, городские ворота заперли, и все, кто остался снаружи, были перерезаны.

14. (5) И вот, пораженные не только достоинством претендентов, но и доводами благочестия, римляне избрали военными трибунами с консульской властью одних лишь патрициев, правда самых заслуженных: Луция Валерия Потита в пятый раз, Марка Валерия Максима, Марка Фурия Камилла во второй раз, Луция Фурия Медуллина в третий, Квинта Сервилия Фидената во второй, Квинта Сульпиция Камерина во второй [398 г.]. (6) При этих трибунах под Вейями не произошло почти ничего достойного упоминания, все силы тратились на грабежи. (7) Командующим в войне против Фалерий был назначен Потит, против Капен – Камилл; оба собрали огромную добычу, а из того, что можно было извести огнем и мечом, не оставили в сохранности ничего.

16. (1) ...в должность вступили новые военные трибуны с консульской властью: Луций Юлий Юл, Луций Фурий Медуллин в четвертый раз, Луций Сергий Фиденат, Авл Постумий Регилльский, Публий Корнелий Малугинский, Авл Манлий [397 г.]. (2) В этот год

появился новый враг – жители Тарквиний. Было очевидно, что римляне завязли одновременно во многих войнах – с вольсками у Анксура, где шла осада крепости, с эквами у Лабиков, где римская колония подверглась нападению, да к тому же еще с Вейями, фалисками и Капенами; мало этого, в самом Городе обстановка была крайне беспокойной из-за стычек патрициев с плебеями. (3) В Тарквиниях решили, что пора воспользоваться всем этим для нанесения удара, и послали легковооруженные отряды для грабежа римской земли...

18. [396 г.]. (7) Трибуны Тициний и Генуций отправились против фалисков и капенцев. Поскольку они вели войну, руководствуясь более порывом, нежели разумом, то и попали в засаду. (8) Генуций искупил свою опрометчивость достойной гибелью, сражаясь впереди всех и пав одним из первых, Тицинию же удалось собрать на высоком холме часть бежавших в панике воинов и восстановить боевой порядок, но он так и не решился вновь встретиться с противником на открытом месте. (9) Не столько страшны были жертвы, сколько позор, но именно он чуть не привел к тяжкому поражению. Ужас охватил не только Рим, куда эта весть докатилась сильно преувеличенной, но также и лагерь под Вейями. (10) Когда там распространился слух, будто полководцы и войско перебиты, а победоносные капенец с фалиском и всей этрусской молодежью уже рядом, воинов едва удалось удержать от бегства. (11) А в Риме паника была еще больше: там все решили, что лагерь уже взят и враги уже движутся на Город злобной ордой. Люди сбегались к стенам; матроны, которых всеобщий страх выгнал из дому, молились в храмах; (12) они заклинали богов отвести гибель от жилищ, капищ и стен римских, умоляя перенести этот ужас на Вейи и обещая возобновить священнодействия по обряду и уважать предзнаменования.

19. (2) А полководцем, которому судьбой было предназначено разрушить этот город и спасти родину, стал Марк Фурий Камилл. Объявленный диктатором, он назначил начальником конницы Публия Корнелия Сципиона. (3) С переменой полководца все внезапно переменилось: у людей появились новые надежды, новое мужество; казалось, что у Города – новое счастье (4). Прежде всего Камилл по законам военного времени казнил всех, кто во время паники бежал от Вей, и добился того, что противник перестал быть самой страшной грозой для воина. Затем диктатор назначил на определенный день набор, а сам между тем отправился к Вейям для укрепления воинского духа. (5) Вернувшись в Рим, он набрал новое войско, причем никто не уклонялся от повинности. Собралась также и молодежь из чужих земель – от латинов и герников, предлагая помощь в этой войне. (6) Диктатор обратился к ним в сенате с благодарственными словами и, поскольку все уже было готово к походу, объявил, что, согласно сенатскому постановлению, после взятия Вей будут устроены Великие игры и освящен обновленный храм Матери Матуты, который был в свое время основан царем Сервием Туллем. (7) Когда диктатор с войском тронулся из города, его провожали даже не с упованием на успех, а с полной уверенностью в победе. Глубоко все обдумав и рассчитав, он первым делом завязал бой с фалисками и капенцами на непетской земле. (8) Как это обычно случается, расчету сопутствовала удача: диктатор не только разгромил врага в сражении, но выгнал из его собственного лагеря и овладел громадной добычей. Большая ее часть была отдана квестору, воинам же досталось куда меньше. (9) Оттуда Камилл повел армию к Вейям и возвел там дополнительные укрепления. Между городской стеной и валом нередко вспыхивали случайные стычки с неприятелем – диктатор запретил их, распорядившись, чтобы никто не вступал в бой самовольно. Воины были брошены на осадные работы. (10) Самая тяжелая и изнурительная из них состояла в сооружении подземного хода во вражескую крепость. (11) Чтобы и работа не прерывалась, и люди не изнемогали от длительного пребывания под землей, Камилл разбил землекопов на шесть команд. Работа велась круглосуточно, в шесть смен, днем и ночью, и закончилась не прежде, чем путь в крепость был открыт.

20. (1) Диктатор видел, что победа уже у него в руках, и тут им овладело беспокойство: после взятия этого богатейшего города к римлянам попадет столько добычи, сколько не было во всех предыдущих войнах, вместе взятых, – (2) с одной стороны, он боялся вы-

звать озлобление воинов, если их часть добычи окажется скудной; с другой стороны, опасался навлечь ненависть патрициев, если раздача будет слишком щедрой. И Камилл послал сенату письмо: (3) благодаря милости бессмертных богов, собственному его разумению, а также стойкости воинов Вейи вот-вот окажутся во власти народа римского. Как следует распорядиться добычей?... (10) Более безопасным сочли то предложение, которое увеличивало популярность сената. Итак, было объявлено, что все, кто жаждет добычи, могут отправиться в лагерь к диктатору.

21. (1) Огромное множество народа заполонило лагерь... (4) Пользуясь численным перевесом, он начал приступ со всех концов одновременно, чтобы враги не заметили опасности, грозившей со стороны подкопа... (6) Вооружившись чем попало, горожане бросились к стенам. (7) Они недоумевали, что случилось: на римских укреплениях в течение стольких дней не было заметно никакого движения – и вдруг римляне, словно охваченные внезапным бешенством, ринулись на приступ. (8) К этому моменту приурочивают обычно такую легенду: вейский царь приготовился к совершению жертвенного обряда, и гаруспик объявил, что победа даруется тому, кто разрубит внутренности именно этого животного. Услышав его слова из подкопа, римские воины вывели подземный ход наружу, похитили внутренности жертвенного животного и принесли их диктатору... (10) Тем временем некоторые опытные воины с оружием в руках вышли из подземного хода и оказались в храме Юноны, прямо посреди вейской крепости. Тут одни с тыла напали на врагов, стоявших по стенам, другие сбили засовы с ворот, третьи запалили крыши домов, поскольку женщины и рабы швыряли оттуда камни и черепицу. (11) Повсюду поднялся вопль, в котором разноголосье ужаса и угроз смешалось с плачем женщин и детей. (12) В мгновение ока со всех стен были сброшены вооруженные защитники, а ворота отворены, и в то время, как одни римляне толпой стали прорываться в город, другие начали карабкаться по оставленным горожанами стенам. Город наполнился римлянами, (13) бой шел повсюду. После ужасающей резни битва начала ослабевать. Тогда диктатор приказал глашатаям объявить, чтобы не трогали безоружных, что и положило конец кровопролитию. (14) Горожане стали складывать оружие и сдаваться, а воины с разрешения диктатора бросились грабить...

22. (8) Так пали Вейи. Самый богатый город этрусского племени даже в собственной гибели обнаружил величие: ведь римляне осаждали его долгих десять лет и зим, в течение которых он нанес им поражений куда больше, чем от них претерпел, и даже когда в конце концов пал по воле рока, то был взят не силой, но хитростью.

Вопросы по тексту источника:

1. Чем, по сообщению Ливия, прославился род Фабиев в борьбе с вейянами?
2. Как Ливий описывает тактику, которую использовали вейяне против римлян?
3. Как Ливий трактует причины поражения римлян в первой стычке с фалисками и капенцами, пришедшими на помощь вейянам?
4. Какие меры, принятые Марком Фурием Камиллом, называет Ливий, которыми полководец поднял дисциплину в римском войске?

Вторжение галлов.

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга V. Пер. С.А. Иванова.

33. (1) А между тем роковые для Города события приближались: явились послы от клузийцев, прося помощи против галлов. (2) Говорят, что это племя перешло Альпы, привлеченное сладостью здешних плодов, но более всего – вина, удовольствия им неизвестного. Они заняли земли, которые раньше возделывали этруски... (5) Но совершенно ясно и то,

что осаждавшие Клузий не были первыми, кто перешел через Альпы. Ведь галлы перешли в Италию за двести лет до осады Клузия и взятия Рима...

35. (4) Клузийцы боялись надвигающейся войны: им было известно, сколь многочисленны галлы, сколь неслыханно велики ростом, как вооружены; они были наслышаны, сколь часто этрусские легионы бежали пред их лицом как по сую, так и по ту сторону Пада. И вот клузийцы отрядили послов в Рим. Они просили сенат о помощи, хотя с римлянами их не связывал никакой договор, ни о союзе, ни о дружбе... (5) В помощи было отказано, но к галлам отправили посольство – трех сыновей Марка Фабия Амбуста, чтобы они именем сената и народа римского потребовали не нападать на их друзей и союзников, которые вдобавок не причинили галлам никакой обиды; (6) если потребуется, римляне-де вынуждены будут защищать клузийцев с оружием в руках; однако предпочтительнее, если возможно, вовсе отказаться от войны и познакомиться с галлами, этим новым народом, в мирной тиши, а не в грохоте битвы.

36. (1) Это посольство было бы мирным, не будь сами послы буйными и похожими скорее на галлов, чем на римлян. Когда они изложили все, что им было поручено, на совете галлов, те ответили: (2) хоть они и слышат имя римлян впервые, но верят, что это храбрые мужи, раз именно к ним бросились за помощью клузийцы, оказавшись в беде. (3) Они, галлы, предпочитают искать союзников во время переговоров, а не боев, и не отвергают предложенного послами мира, но только при одном условии: клузийцы должны уступить нуждающимся в земле галлам часть своих пашен, поскольку все равно имеют их больше, чем могут обработать. Иначе они на мир не согласятся. (4) Пусть им немедленно, в присутствии римлян дадут ответ, и если в их требовании о земле будет отказано, то они в присутствии тех же римлян пойдут в бой, дабы послы могли дома рассказать, насколько галлы превосходят доблестью прочих смертных. (5) Когда римляне спросили, по какому праву галлы требуют землю у ее хозяев, угрожая оружием, и что у них за дела в Этрурии, те высокомерно заявили, что право их – в оружии и что нет запретов для храбрых мужей. Обе стороны вспылили, все схватились за мечи, и завязалось сражение. (6) А над Римом уже нависал рок, ибо послы, в нарушение права народов, также взяли за оружие. И это не могло пройти незамеченным, коль скоро трое знатнейших и храбрейших римских юношей сражались впереди этрусских знамен – доблесть сих чужеземцев бросалась в глаза. (7) И в довершение всего Квинт Фабий, выехав на коне из строя, убил галльского вождя, неистово рвавшегося к этрусским знаменам. Он насквозь пробил ему бок копьем, а когда начал снимать доспехи, галлы узнали его, и по всем рядам разнеслось, что это римский посол. (8) Клузийцы были тотчас забыты; посылая угрозы римлянам, галлы затрубили отбой. Среди них нашлись такие, кто предлагал немедленно идти на Рим, но верх одержали старейшины. Они решили сперва отрядить послов с жалобой на обиду и потребовать выдачи Фабиев за осквернение права народов. (9) Когда галльские послы передали то, что им было поручено, сенат не одобрил поступка Фабиев и счел требование варваров законным. Но поскольку речь шла о мужах столь знатных, то угодничество преградило путь долгу и решение не было принято. (10) Итак, сенат передал это дело народному собранию, чтобы снять с себя ответственность за возможные поражения в войне с галлами. А там настолько возобладало лицепрятие и подкуп, что те, кого собирались наказать, были избраны военными трибунами с консульскими полномочиями на следующий год. (11) После этого недостойного деяния галлы ожесточились и, открыто угрожая войной, вернулись к своим. (12) Военными же трибунами, кроме трех Фабиев, были избраны Квинт Сульпиций Лонг, Квинт Сервилий в четвертый раз, Публий Корнелий Малугинский.

37. (4) А галлы, узнав, что осквернители общечеловеческих законов избраны на высшую должность, а посольство их подверглось оскорблениям, вскипели гневом, коего народ сей не умеет обуздывать. Немедля подняли они знамена и быстрым маршем выступили в путь. (5) При виде их стремительно проходящих полчищ жители городов в страхе бросались к оружию, а поселяне разбежались. Однако они громким криком возвещали, что идут

на Рим. Двигавшиеся колонны занимали огромное пространство; массы людей и лошадей растянулись и в длину, и в ширину. (6) Впереди врагов неслась молва о них, за ней спешили вестники от клузийцев, а потом и от других народов поочередно – и все же наибольший страх вызвала в Риме стремительность неприятеля: (7) вышедшее ему навстречу наспех собранное войско, как ни торопилось, встретило его всего в одиннадцати милях от города, там, где река Аллия, по глубокой ложбине сбега с Крустумерийских гор, впадает в Тибр несколько ниже дороги...

38. (1) Тут военные трибуны, не выбрав заранее места для лагеря, не соорудив загодя вал на случай отступления, выстроили боевой порядок. Не позаботились они не только о земных, но и о божественных делах, пренебрегши ауспигиями и жертвоприношениями. Римский строй был растянут в обе стороны, чтобы полчища врагов не могли зайти с тыла, (2) однако все равно уступал по длине неприятельскому – между тем в середине этот растянутый строй оказался слабым и едва смыкался. Резерв решили поставить на правом крыле, где была маленькая возвышенность; именно она послужила впоследствии как источником паники и бегства, так и единственным спасением для беглецов. (3) Галльский вождь Бренн, при малочисленности неприятеля, весьма опасался какой-то хитрости, и вот он решил, будто этот холм занят для того, чтобы ударить резервом во фланг и тыл галлов, когда те столкнутся с легионами лицом к лицу. Тогда он развернул строй против резервов в твердой уверенности, что, если он выбьет их с холма, (4) победу на ровном поле при таком численном перевесе будет одержать легко. Вот до какой степени не только судьба, но и рассудительность была на стороне варваров!

(5) А в противоположном стане ни вожди, ни воины не напоминали римлян. Во всех душах царил лишь страх и мысль о бегстве; помрачение умов было таково, что, несмотря на препятствие в виде Тибра, подавляющее большинство бросилось в Вейи, чужой город, вместо того, чтобы бежать прямым путем в Рим, к женам и детям. (6) Лишь резервы еще недолгое время находились под защитой возвышенности, остальное же войско, как только передние сбоку, а задние с тыла услышали крики, враз обратилось в бегство от неведомого врага еще раньше, чем его увидело. Римляне бежали, не только не пытаясь померяться силами с неприятелем, не только не сразившись с ним и не получив ни одной царапины, но даже и не ответив на его клич. (7) Никто не погиб в сражении, все убитые были поражены в спину, когда началась давка, а толчея затрудняла бегство. (8) Страшная резня произошла на берегу Тибра, куда, побросав оружие, бежало целиком все левое крыло. Многих не умевших плавать или ослабевших под тяжестью доспехов и одежды поглотила пучина. (9) Тем не менее огромное большинство без затруднений добралось до Вей, откуда они не послали в Рим не только подмоги, но даже вести о поражении. (10) С правого крыла, стоявшего далеко от реки, под горой, все кинулись в Город, где укрылись в Крепости, даже не заперев городских ворот.

39. (1) Галлы онемели от этого чуда. Повергнутые в страх своей собственной молниеносной победой, они сперва застыли, не понимая, что произошло. Потом начали подозревать засаду. Затем принялись собирать доспехи убитых и по своему обычаю нагромождать их оружие в кучи. (2) И лишь тогда, не видя никаких признаков неприятеля, они тронулись в путь и незадолго до захода солнца подошли к Риму. Когда высланные вперед всадники донесли, что ворота не заперты, перед ними не выставлены заставы, а на стенах не видно караулов, это диво поразило галлов, как и первое. (3) Опасаясь ночи и не зная расположения Города, они заночевали между Римом и Аниеном и разослали лазутчиков вокруг стен и ворот, чтобы разузнать, что намерены делать враги в своем бедственном положении...

41. (1) Между тем в Риме были закончены все приготовления к обороне Крепости, какие могли быть предприняты в подобных обстоятельствах...(4) За ночь воинственность галлов несколько приутихла. Кроме того, им не пришлось сражаться, не пришлось опасаться поражения в битве, не пришлось брать Город приступом или вообще силой – поэтому на следующий день они вступили в Рим без злобы и рвения. Через открытые Коллинские ворота они добрались до форума, обводя глазами храмы богов и Крепость, которая одна

имела вид изготовившейся к отпору. (5) На тот случай, если из Крепости или Капитолия совершат вылазку против разбредшихся воинов, галлы оставили небольшую охрану, а сами кинулись за добычей по безлюдным улицам. Одни толпой вламывались в близлежащие дома, другие стремились в те, что подальше, как будто именно там и собрана в неприкосновенности вся добыча. (6) Но потом, испуганные странным безлюдьем, опасаясь, как бы враги не задумали какого подвоха против тех, кто блуждает поодиночке, галлы начали собираться группами и возвращаться на форум и в кварталы по соседству. (7) Дома плебеев там были заперты, а знатных – стояли открытыми, и тем не менее они входили в них чуть ли не с большей опаской, чем в закрытые. (8) С благоговением взирали галлы на тех мужей, что восседали на пороге своих домов: кроме украшений и одежд, более торжественных, чем бывает у смертных, эти люди походили на богов еще и той величественной строгостью, которая отражалась на их лицах. (9) Варвары дивились на них, как на статуи. Рассказывают, что в этот момент один из стариков, Марк Папирий, ударил жезлом из слоновой кости того галла, который вздумал погладить его по бороде (а тогда все носили бороды). Тот пришел в бешенство, и Папирий был убит первым. Другие старики также погибли в своих креслах. (10) После их убийства не щадили уже никого из смертных, дома же грабили, а после поджигали.

43. (1) ...И вот галлы отважились на крайнюю меру – штурм Крепости. (2) На рассвете все их полчища по команде выстроились на форуме; оттуда они, образовав «черепаху», с криком двинулись к подножью холма. Римляне действовали против врага без робости, но и не безрассудно: все подъемы к Крепости, на которых наблюдалось продвижение галлов, были укреплены, и там поставлены самые отборные воины. Однако неприятелю не мешали взбираться наверх, полагая, что, чем выше он вскарабкается, тем легче будет сбросить его с кручи. (3) Римляне удерживались примерно на середине склона, где крутизна как бы сама толкает воина на врага. Оттуда они вдруг обрушились на галлов, избивая их и сталкивая вниз. Разгром был столь сокрушителен, что противник ни разу более не осмелился на подобные предприятия, ни отдельным отрядом, ни всем войском. (4) Итак, потеряв надежду победить силой оружия, галлы начали готовиться к осаде, о которой до этого момента не помышляли. Но продовольствия уже не было ни в Городе, где его уничтожил пожар, ни в окрестностях, откуда его как раз в это время вывезли в Вейи. (5) Тогда было решено разделить войско, чтобы часть его грабила окрестные народы, а часть осаждала Крепость. Таким образом опустошители полей снабжали бы провизией осаждавших. (6) Видно, сама судьба пожелала испытать римскую доблесть, когда она повела вышедших из Города галлов на Ардею, где находился в изгнании Камилл...

45. (1) Как друзья Камилла, так и его недруги были убеждены, что другого такого военачальника не существовало в то время нигде. Поэтому все они ...стали собираться с силами и только напряженно ожидали сигнала. Когда он прозвучал, ардеяне в полной боевой готовности сошлись у городских ворот и Камилл возглавил их... (2) Вскоре после выхода из города... наткнулись на галльский лагерь, не защищенный и не охраняемый ни с одной из сторон. С громким криком они напали на него. (3) Никакого сражения не было – повсюду шла резня: рубили объятых сном безоружных воинов...

46. (1) Между тем в Риме с обеих сторон все было тихо. Осада шла вяло, и галлы заботились только о том, чтобы никто из врагов не смог проскользнуть между их караулами. И вот неожиданно один римский юноша вызвал изумление и у сограждан, и у неприятеля. (2) Род Фабиев издавна совершал жертвоприношения на Квиринальском холме. А тогда Гай Фабий Дорсуон, препоясавшись по-габински, со священной утварью в руках спустился с Капитолия, дабы выполнить установленный обряд. Он прошел прямо среди вражеских часовых, не обращая внимания ни на окрик, ни на смятение. (3) Дойдя до Квиринальского холма, он совершил все положенные действия и отправился обратно той же дорогой. И лицо, и поступь его на возвратном пути были столь же тверды: он уповал на помощь богов, чьим культом не пренебрег даже под страхом смерти. То ли галлы были потрясены его невероятной доблестью, то ли тронуты благочестием, к которому сие племя

отнюдь не равнодушно, но только юноша невредимым вернулся к своим на Капитолий. (4) А тем временем в Вейях у римлян прибывало не только мужества, но и сил. Туда собирались люди, рассеявшиеся по окрестностям после злосчастной битвы и бедственного падения Города, стекались добровольцы из Лация, желавшие принять участие в разделе добычи. (5) Ясно было, что зреет час освобождения родины, что пора вырвать ее из рук врага. Но пока имелось лишь крепкое туловище, которому не хватало головы... (7) Со всеобщего согласия было решено вызвать из Ардеи Камилла, но сперва запросить сенат, находящийся в Риме. До такой степени властвовала надо всем смиренность, что даже на краю гибели соблюдалось чинопочитание! (8) Проникнуть через вражеские посты было делом рискованным – для этого свершения предложил свои услуги отважный юноша Понтий Коминий. Завернувшись в древесную кору, он вверил себя течению Тибра и был принесен в Город, (9) а там вскарабкался по ближайшей к берегу скале, такой отвесной, что врагам и в голову не приходило ее сторожить. Ему удалось подняться на Капитолий и передать просьбу войска на рассмотрение должностных лиц. (10) В ответ на нее было получено распоряжение сената, согласно которому Камилл, возвращенный из ссылки куриатными комициями, немедленно провозглашался от имени народа диктатором; воины же получали право выбрать полководца, какого пожелают. И с этим вестник, спустившись той же дорогой, поспешил обратно. (11) Отряженные в Ардею послы доставили Камилла в Вейи...

47. (1) Вот что происходило в Вейях, а в Риме тем временем Крепость и Капитолий подверглись ужасной опасности. (2) Дело в том, что галлы или заметили человеческие следы там, где прошел гонец из Вей, или сами обратили внимание, что у храма Карменты начинается пологий подъем на скалу. Под покровом ночи они сперва выслали вперед безоружного лазутчика, чтобы разведать дорогу, а потом полезли наверх уже все. Там, где было круто, они передавали оружие из рук в руки; одни подставляли плечи, другие взбирались на них, с тем чтобы потом вытащить первых; (3) если было нужно, все подтягивали друг друга и пробрались на вершину так тихо, что не только обманули бдительность стражи, но даже не разбудили собак, животных столь чутких к ночным шорохам. (4) Но их приближение не укрылось от гусей, которых, несмотря на острейшую нехватку продовольствия, до сих пор не съели, поскольку они были посвящены Юноне. Это обстоятельство и оказалось спасительным. От их гогота и хлопанья крыльев проснулся Марк Манлий, знаменитый воин, бывший консулом три года назад. Схватившись за оружие и одновременно призывая к оружию остальных, он среди всеобщего смятения кинулся вперед и ударом щита сбил вниз галла, уже стоявшего на вершине. (5) Покатившись вниз, галл в падении увлек за собой тех, кто поднимался вслед за ним, а Манлий принялся разить остальных – они же, в страхе побросав оружие, цеплялись руками за скалы. Но вот уже сбежались и другие римляне: они начали метать стрелы и камни, скидывая врагов со скал. Среди всеобщего обвала галльский отряд покатился к пропасти и рухнул вниз. (6) По окончании тревоги все попытались на остаток ночи уснуть, хотя при царившем в умах возбуждении это было нелегко – сказывалась минувшая опасность. (7) На рассвете труба созвала воинов на совет к трибунам: ведь нужно было по заслугам воздать и за подвиг и за преступление. Прежде всего благодарность за свое мужество получил Манлий, ему были сделаны подарки от военных трибунов, и по единодушному решению всех воинов (8) каждый приносил к нему в дом, находившийся в Крепости, по полуфунту полбы и по кварте вина. И то сказать, сущая безделица! Но в условиях голода она становилась величайшим доказательством любви, ведь для чествования одного-единственного человека каждый должен был урвать от собственных насущных потребностей, отказывая себе в пище. (9) Затем были приведены воины, стоявшие на часах в том месте, где незамеченным сумел взобраться враг. Когда военный трибун Квинт Сульпиций объявил, что казнит их всех по военному обычаю, в ответ раздался такой единодушный крик воинов, что он испугался; (10) поскольку все в один голос винили только одного часового, остальных решено было пощадить, а несомненного виновника преступления сбросить со скалы, что вызвало всеобщее одобрение. (11) С тех пор обе стороны усилили охрану: галлы потому, что им стало известно о хож-

дении посыльных между Вейями и Римом, а римляне – из-за воспоминаний о ночной тревоге.

48. (1) Но вперед всех ужасов войны и осады обе стороны мучил голод, (2) а галлов еще и мор – ведь их лагерь лежал между холмов, в местности, сожженной пожаром и наполненной испарениями. При любом дуновении ветра вместе с пылью поднимался пепел. (3) Всего этого галлы совершенно не могли переносить, поскольку их племя привычно было к климату влажному и холодному. Их мучила удушливая жара, косила болезнь, и они мерли, как скот. Уже не было сил хоронить умерших по-отдельности – их тела нагромождали в кучи и сжигали без разбора. Оттого это место вошло в историю под названием Галльское пожарище. (4) Затем с римлянами было заключено перемирие, и с разрешения полководцев начались переговоры. Галлы призывали сдаться, твердя, что это все равно неизбежно из-за голода. Передают, будто римляне, желая опровергнуть их, начали во многих местах кидать с Капитолия хлеб во вражеские караулы. (5) Однако голода нельзя было долее ни скрывать, ни переносить, (6) Сколь ни были изнурены несением службы и стражи воины на Капитолии, они превозмогали все человеческие страдания – одного только голода природа не попустила превозмочь. (7) День за днем воины вглядывались вдаль, не появится ли помощь от диктатора, и в конце концов лишились не только еды, но и надежды. Поскольку все оставалось по-прежнему, а обессилевшие воины уже чуть не падали под тяжестью собственного оружия, они потребовали или сдаться, или заплатить выкуп на любых условиях, тем более что галлы ясно давали понять, что за небольшую сумму их легко будет склонить к прекращению осады. Между тем как раз в это время диктатор подготавливал все к тому, чтобы сравняться силами с неприятелем: он лично провел набор в Ардее и приказал начальнику конницы Луцию Валерию вести войско из Вей. (8) Однако к этому моменту сенат уже собрался на заседание и поручил военным трибунам заключить мир. Военный трибун Квинт Сульпиций и галльский вождь Бренн согласовали сумму выкупа, и народ, которому предстояло править всем миром, был оценен в тысячу фунтов золота. (9) Эта сделка, омерзительная и сама по себе, была усугублена другой гнусностью: принесенные галлами гири оказались фальшивыми, и, когда трибун отказался мерять ими, заносчивый галл положил еще на весы меч. Тогда-то и прозвучали невыносимые для римлян слова: горе побежденным!

49. (1) Но ни боги, ни люди не допустили, чтобы жизнь римлян была выкуплена за деньги. Еще до того, как заплачено было чудовищное вознаграждение, когда из-за пререканий отвешивание золота прекратилось, неожиданно появился диктатор. Он приказал, чтобы золото убрали прочь, а галлов удалили. (2) Когда те стали упираться, ссылаясь на то, что действуют по договору, он заявил, что последний не имеет законной силы, поскольку был заключен уже после того, как он был избран диктатором, без его разрешения, должностным лицом низшего ранга. Камилл велел галлам выстраиваться для битвы, (3) а своим – сложить походное снаряжение в кучу и готовить оружие к бою... (5) Испуганные новым оборотом дела, взяли за оружие и галлы, но напали они на римлян скорее под действием гнева, чем по здравом размышлении. Счастье уже переменялось, уже и помощь ботов, и человеческий разум были на стороне римского дела. И вот при первом же столкновении галлы были опрокинуты так же быстро, как победили при Аллии. (6) Под водительством и командованием того же Камилла варвары были разбиты и в следующем сражении, которое, не в пример первому, разворачивалось по всем правилам военного искусства. Битва произошла на восьмой миле по Габийской дороге, где враги собрались после своего бегства. Там были перерезаны все галлы, а их лагерь захвачен. Из врагов не осталось никого, кто мог бы сообщить о поражении. (7) Отвоевав отечество у неприятеля, диктатор с триумфом вернулся в Рим, сопровождаемый шутками воинов; такие шутки обычно бывают грубы, но теперь Камилла в них уподобляли Ромулу, заслуженно величали отцом отечества и вторым основателем Города.

Вопросы по тексту источника:

1. Чем Ливий объясняет тот факт, что галлы после победы при Аллии не сразу направились к Риму?
2. Чем прославился Гай Фабий Дорсуон?
3. Какой город стал центром сопротивления галльскому нашествию?
4. Как звали гонца, пробравшегося в осажденный Капитолий?
5. Какую должность занимал Марк Манлий до галльской осады Рима?
6. Кто, согласно сообщению Ливия, представлял римский народ при заключении мира с Бренном?

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. Книга XIII. Пер. А.М. Сморчкова.

VI. (7) ...вскоре город был взят галлами, за исключением Капитолия. А когда граждане поименнее нашли на нем убежище и были осаждены галлами, – ведь остальная толпа убежала и рассеялась по италийским городам, – те римляне, что бежали к городу вейян, ставят начальником лагеря некоего Цедиция. В свою очередь, тот назначает Камилла, хотя и в его отсутствие, главнокомандующим с неограниченной властью в военных и мирных делах. 2. И возглавив посольство, он призвал Камилла примириться с отчизной, приняв во внимание беды, что приключились с ней, из-за которых она решилась обратиться за помощью к оскорбленному ею человеку...

VII. (9) Так вот, когда бежавшие на Капитолий еще были осаждены, некий юноша, отправленный римлянами из города вейян к тем, кто находился на Капитолии, поднялся незаметно для стороживших там галлов и, сказав, что следовало, ночью опять ушел. 2. Когда же начался день, кто-то из галлов, увидев следы, сообщает об этом царю, а тот созвал самых мужественных воинов и показал им, где вошел римлянин. Затем он предложил им выказать такую же отвагу, что и римлянин, и попытаться подняться к крепости, обещая многочисленные дары тем, кто поднимется. После того как многие дали согласие, он приказал дозорным соблюдать тишину, чтобы римляне, решив, что те заснули, и сами отошли ко сну. (10) 3. И уже первые галлы вошли и поджидали отставших, чтобы тогда, когда их станет больше, зарезать стоявших на сторожевых постах и захватить укрепление, но никто из людей так и не заметил их. Однако некие священные гуси Юноны, которые содержались в святилище, становятся вестниками беды, гогоча все вместе и бросаясь на варваров. 4. И вследствие этого началось смятение, крик, беготня всех, призывавших друг друга к оружию, и галлы, которых стало уже больше, двинулись вперед.

VIII. (11) Тут один из тех, кто раньше занимал консульскую должность, Марк Манлий, схватив оружие и вступив в бой с варварами, первому поднявшемуся и уже занесшему меч над его головой наносит, опередив, удар по руке и отсекает руку по локоть. 2. А следующего за ним, прежде чем тот схватился врукопашную, он, ударив в лицо поднятым вверх щитом, опрокидывает и лежащего добивает. Затем, тесня остальных, уже приведенных в замешательство, одних он убил, а других рассеял, преследуя по склону. За этот подвиг он получил соответствовавший тогдашнему моменту дар от защитников Капитолия – однодневную меру вина и полбы от каждого человека. (12) 3. А когда был рассмотрен вопрос, как следует поступить с теми, кто покинул сторожевой пост на том месте, через которое поднялись галлы, сенат приговорил всех их к смерти, но народ, оказавшись умереннее, удовлетворился наказанием одного их командира. 4. И чтобы казнь стала видна варварам, его со связанными сзади руками сбрасывают к ним с утеса. После его наказания больше уже не наблюдалось никакой беспечности у тех, кто стоял на сторожевых постах, но всю ночь напролет все бодрствовали, так что галлы, оставив надежду захватить крепость обманом или хитростью, начали вести переговоры о выкупе, после уплаты которого варварам римляне смогут вернуть себе город.

IX.(13) Когда же они заключили клятвенный договор и римляне принесли золото, то вес его, что должны были получить галлы, составлял двадцать пять талантов. Но когда уста-

новили весы, сначала галл явился с самим талантом тяжелее надлежащего, затем, когда римляне стали этим возмущаться, он оказался настолько далек от сдержанности и справедливости, что, сняв меч вместе с ножнами и поясом, кинул и его на весы. 2. На вопрос же квестора, что означает это действие, он ответил такими словами: «Горе побежденным!» И поскольку из-за жадности галла обусловленный вес не набирался, но не хватало еще третьей части, римляне ушли, попросив время, чтобы раздобыть недостающее золото. Снесли же они такое высокомерие варваров, поскольку ничего не знали о происходящем в лагере у Цедиция и Камилла...

Вопросы по тексту источника:

1. Кто, по Дионисию, являлся предводителем бежавших в Вейи римских граждан и назначил Камилла диктатором?
2. Какими подробностями отличаются рассказы Ливия и Дионисия о схватке Марка Манлия с галлами?
3. В чем состоит отличие между сценами выкупа у Ливия и Дионисия?

I Самнитская война (343-341 гг.)

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга VII. Пер. Н.В. Брагинской.

29. (1) С этих пор речь пойдет уже о более значительных войнах, так как сражались с врагами более сильными, в краях более отдаленных и по времени много дольше. Дело в том, что именно в этом году пришлось обнажить мечи против самнитов, племени многочисленного и воинственного... (3) Впрочем, причина войны самнитов и римлян, связанных дотоле союзом и дружбою, явилась извне, а не возникла меж ними самими. (4) Когда самниты, пользуясь превосходством сил, незаконно напали на сидицинов, те вынуждены были в своей слабости искать помощи у сильнейших и заключили союз с кампанцами. (5) Так как кампанцы могли разве что зваться, но никак не быть защитой союзников, то они, расслабленные роскошью, были разбиты закаленными в битвах здесь же, на сидицинской земле. После этого на них навалилось все бремя войны: (6) ибо самниты, оставив сидицинов, разумеется, напали на самый оплот своих соседей – на кампанцев, победа над которыми была столь же легкой, а добычи и славы сулила поболее. Сильным отрядом они заняли Тифаты – холмы, господствующие над Капуей, построились четырехугольником и спустились оттуда на равнину, лежащую между Капуей и Тифатами. (7) Здесь произошло новое сражение: и кампанцы, вновь разбитые, загнанные за городские стены, не видя кругом никакой надежды, так как перебита была лучшая часть молодежи, вынуждены были просить помощи у римлян...

31. (1) Когда ... сенат держал совет, то, несмотря на мнение многих, что величайший и богатейший город Италии, плодороднейшие и близкие к морю земли станут житницей Рима на случай недорода, все-таки выше стольких выгод осталась верность, и консул от имени сената дал такой ответ: (2) «Кампанцы, сенат считает, что вы заслуживаете заступничества; но не подобает, устанавливая дружбу с вами, оскорблять дружбу и союз более давние. Самниты связаны с нами договором – поэтому мы отказываем вам в военной помощи против самнитов, ибо это оскорбило бы даже не людей, а богов; (3) однако по законам божеским и человеческим мы отправим к нашим союзникам и друзьям послов с просьбой не чинить вам никакого насилия». На это глава посольства сказал, как ему было поручено дома: «Коль скоро наше достояние вы не хотите защитить правой силой от неправой силы, то свое собственное вы наверняка защищать будете. (4) А потому, отцы-сенаторы, мы передаем под власть и покровительство ваше и народа римского народ кампанский и город Капуя, земли, святилища богов и все, что принадлежит богам и людям; и отныне, что

бы ни случилось с нами, это случится с отдавшимися под вашу власть». (5) При этих словах все послы простерли руки к консулам и с рыданиями повалились на пол курии. (6) Сенаторы были потрясены тем, сколь превратны судьбы человеческие, если этот могущественный и богатый народ, знаменитый рокошью и надменностью, у кого еще недавно соседи просили защиты, оказался сломлен настолько, что себя самого и все свое достояние отдает под чужую власть. (7) И тут уже делом чести явилось не предать предавшихся; рассудили так, что неправо дело совершат самниты, напав на земли и город, отдавшиеся римскому народу...

32. (1) Когда с этим послы возвратились в Рим, сенаторы, отложив все прочие дела, отправили фециалов требовать возмещения, а получив отказ, заведенным порядком объявили войну и постановили в ближайший срок передать это дело народному собранию. (2) По распоряжению народа оба консула с двумя войсками вышли из Города, Валерий в Кампанию, Корнелий в Самний, и первый расположился лагерем у горы Гавра, а второй у Сатикулы. (3) Легионы самнитов прежде всего встали на пути Валерия, полагая, что вся тяжесть военного удара придется сюда; к тому же побуждала их и злость на кампанцев, таких скорых то оказывать помощь, то просить ее. (4) Едва самниты увидели лагерь римлян, как наперебой стали буйно требовать от вождей знака к бою, заявляя при этом, что римляне с таким же успехом окажут помощь кампанцам, с каким те – сидицинам. (5) Валерий выждал несколько дней, пробуя противника в мелких стычках, а затем выставил знак к бою...

33. (16) Римляне и сами признавались, что никогда еще не сходились со столь упорным противником; а самниты на вопрос, что все-таки при всей стойкости бросило их в бегство, отвечали: (17) им казалось, что глаза римлян горят, вид у них безумный, а лица искажены бешенством, и это больше всего вселяло ужас. Ужас этот они обнаружили не только при исходе сражения, но и потом, ночью уйдя восвояси. (18) На другой день римляне завладели брошенным лагерем неприятеля: сюда с изъявлениями благодарности высыпали все кампанцы от мала до велика.

34. (1) Впрочем, эту радость чуть было не омрачила крупная неудача в Самнии. Дело в том, что консул Корнелий, выступив из Сатикулы, по неосторожности завел войско в лесистые горы, через которые можно было пройти только по ущелью, где поверху со всех сторон засели враги; (2) а заметил он неприятеля, готового ударить на него сверху, лишь когда отвести войско в безопасное место стало уже невозможно. (3) Пока самниты ждали, чтобы все полки втянулись в глубину ложины, Публий Деций, военный трибун, приметил выдававшуюся среди гор возвышенность, которая господствовала над лагерем неприятеля; для войска со всем обозом она была почти недоступна, но занять ее налегке не составляло труда. (4) И вот он говорит оробевшему консулу: «Видишь, Авл Корнелий, ту вершину над врагами? То оплот нашей надежды и спасения, если мы зайдем его не мешкая, благо самниты слепо его проглядели. (5) Дай мне только принципов и гастатов из одного легиона; и, когда я проберусь с ними туда на вершину, тогда спеши отсюда прочь без всякого страха и спасай себя и войско; ведь враги, открытые всем нашим ударам, не смогут тронуться с места, разве что на свою погибель. (6) А нас потом выручат или счастье народа римского, или наша собственная доблесть». Получив на то от консула одобрение и отряд, он потихоньку взобрался по склону горы, (7) и враг не заметил его, пока он не оказался уже вблизи нужного места. (8) Все тогда оцепенели от изумления; и консул, пользуясь тем, что Деций приковал к себе всеобщее внимание, получил время вывести войско на равнинное место, а трибун засел на самой вершине горы...

37. (4) Третье сражение произошло под Свессулой, где войско самнитов, обращенное в бегство Марком Валерием, вызвавши из дому цвет юношества, решило испытать судьбу в последней схватке. (5) Встревоженные гонцы прибыли из Свессулы в Капую, а оттуда спешно поскакали всадники к консулу Валерию просить помощи. (6) Тотчас подняли знамена и, оставив весь лагерьный обоз под сильной охраной, быстро двинулись в поход. Вблизи от врага они стали лагерем, заняв очень мало места, так как вместо вьючного ста-

да и толпы погонщиков у них были только кони. (7) Самнитское войско выстроилось в боевом порядке, словно бой начнется немедленно; а когда никто не двинулся им навстречу, с угрожающим видом подступили к стану противника. (8) Увидав там воинов на валу и узнав от разосланных лазутчиков, в каком тесном кольце заключен лагерь, они решили, что врагов очень мало, (9) и весь строй зашумел, требуя засыпать рвы, разрушить вал и ворваться в лагерь; это безрассудство положило бы конец войне, если б вожди не сдержали порыв воинов, (10) Меж тем поскольку их собственное огромное войско испытывало трудности с пропитанием и сперва из-за сидения под Свессулой, а теперь из-за отсрочки битвы дело дошло почти до полного истощения припасов, то было решено, покуда враг в осаде дрожит от страха, отправить воинов в поля за продовольствием; (11) а тем временем у римлян, сидящих на месте и принесших с собой без обоза лишь столько продовольствия, сколько могли унести на собственных плечах вместе с оружием, выйдут все запасы. (12) Увидев, что противники отправились рыскать по полям и остались только редкие дозоры, консул немногословно ободрил воинов и повел их брать лагерь приступом. (13) Взяв его с первым кличем и при первом натиске и перебив большую часть врагов еще в шатрах, а не у ворот и укреплений, он приказал снести захваченные знамена в одно место, оставил для охраны и защиты два легиона, строжайше запретив им до его возвращения заниматься разграблением лагеря, (14) а сам сомкнутым строем двинулся вперед; когда же конница, посланная вперед, стала сгонять самнитов, разбегавшихся, словно звери при облаве, устроил страшную резню. (15) От испуга те не могли сговориться, под каким собираться знаменем и спешить им к лагерю или постараться убежать подальше; (16) и такое тут было бегство и такой ужас, что до сорока тысяч щитов принесли консулу – убитых, конечно, было не столько, – а военных знамен, вместе с захваченными в лагере, около ста семидесяти. (17) С этим возвратились во вражеский лагерь, и там вся добыча была отдана на разграбление воинам...

Вопросы по тексту источника:

1. Каковы в изложении Ливия причины I Самнитской войны?
2. Какой подвиг совершил военный трибун Публий Деций?
3. Где, судя по данному источнику, состоялось решающее сражение I Самнитской войны?

II Латинская война (340-338 гг.)

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга VIII. Пер. Н.В. Брагинской.

3. (9) В то время [340 г.] в Лации было два вождя, оба родом из римских поселений, – Луций Эмилий Сетин и Луций Нумизий Цирцеин; именно они, не довольствуясь подстрекательством к войне в Сигнии и Велитрах (тоже римских поселениях), убедили взяться за оружие также и вольсков. Этих двоих римляне решили пригласить явиться лично. (10) Ни у кого не было сомнений, чего ради их зовут; поэтому, прежде чем отправиться в Рим, преторы объявляют на собрании, что их призывает римский сенат, и докладывают, что именно намерены они отвечать на предполагаемые вопросы. 4. (1) Каждый говорил свое, и тогда слово взял Анний: «Хотя именно я предложил обсудить, что надлежит отвечать римлянам, но главное, думаю, все же не в том, что говорить, а в том, что предпринять. (2) Когда ясны намерения, не трудно приноровить к ним и речи. Подумайте, если даже теперь, при видимости равноправного союза, мы способны терпеть рабское положение, то почему бы нам, предав сидицинов, не исполнять послушно приказание не только римлян, но в придачу еще и самнитов, а римлянам ответить, что, мол, мы готовы по первому знаку сложить оружие? (3) Но если нас все-таки гложет тоска по свободе, если существует дого-

вор, если союзничество, если равенство прав существует, если мы – соплеменники римлян – чего некогда мы стыдились и чем ныне можем гордиться, – если союзным для них является наше войско, появление которого удваивает их силы и с которым консулы не желают расставаться, ни затеявая, ни завершая войны, – если все это так, то почему не во всем у нас равенство? (4) Почему не избирают одного консула из латинов? Разве не делят власть с теми, кто делится силою? (5) Ведь это само по себе не такая уж дерзость, раз мы уступаем главенство в Лации Риму, и только при нашем долготерпении подобная просьба может показаться дерзостью. (6) И если некогда вы мечтали, что настанет день и вы разделите с Римом власть и свободу, то по милости богов и доблести вашей ради как раз теперь он и настал. (7) Отказав римлянам в войске, вы испытали, сколько у них терпения; они вознегодовали, конечно, когда мы нарушили более двух веков соблюдавшийся обычай, (8) однако обиду проглотили. Войну пелигнам мы объявили сами, и те, кто раньше лишал нас права охранять даже собственные свои пределы, не стали вмешиваться и на этот раз. (9) Они узнали, что мы взяли под защиту сидицинов, что кампанцы переметнулись от них к нам, что мы готовим войско против самнитов, их союзников, и все-таки не выступили из Города. (10) Откуда у них такая сдержанность, как не от знания наших и своих сил? От надежных людей мне известно, что жаловавшимся на нас самнитам римский сенат дал такой ответ, из которого совершенно ясно: они и сами уже не требуют, чтобы Лаций оставался под властью Рима. Предъявите только свои права, потребуйте того, что вам и так молчаливо уступают. (11) А если кому-то боязно произнести это вслух, так я сам не то что перед римским народом и сенатом, но и пред самим Юпитером, обитающим на Капитолии, берусь объявить: хотят видеть в нас друзей и союзников, пусть получают от нас одного консула и часть сената!» (12) И ему, не только подавшему столь дерзкую мысль, но и обещавшему все исполнить, собрание криками одобрения доверило поступать и говорить, как ему заблагорассудится, лишь бы было это на общее благо латинов.

5. (1) По прибытии в Рим старейшины были приняты в сенате на Капитолии; здесь консул Тит Манлий от имени отцов-сенаторов (2) предостерег их от войны с самнитами, с которыми римлян связывал договор. Тут Анний заговорил так, словно он – победитель, силой оружия захвативший Капитолий, а не посол, охраняемый правом народов. (3) «Пора тебе, Тит Манлий, и вам, отцы-сенаторы, перестать наконец нам приказывать, ибо вам известно, что по милости богов Лаций находится ныне в расцвете своей военной мощи: самниты потерпели поражение, сидицины и кампанцы стали нашими союзниками, даже вольски присоединились теперь к нам, а ваши поселения предпочли нашу власть вашей. (4) Но поскольку вам и в голову не приходит положить конец своему разнузданному самовластию, то, хотя мы и можем объявить Лаций свободным, полагаясь лишь на силу оружия, мы помним все же о нашем сродстве и, идя на уступку, раз уж бессмертным богам было угодно уравнивать наши силы, предлагаем вам равные для обеих сторон условия мира. (5) А именно: одного консула следует выбирать из римлян, другого из латинов, в сенате оба народа должны быть представлены равно, и да будет у нас единый народ и единое государство; (6) чтобы власть была сосредоточена в одном месте, а народы объединились общим именем, одной стороне придется здесь уступить. На благо тех и других да будет вашему отечеству оказано предпочтение, и все мы станем зваться „римляне”».

Вопросы по тексту источника:

1. В чем, в изложении Ливия, состояли основные требования латинов к римскому сенату?

II Самнитская война (327-304 гг.)

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга IX. Пер. Н.В. Брагинской.

1. (1) Следующий год [321 г.], когда консулами были Тит Ветурий Кальвин и Спурий Постумий, ознаменовался Кавдинским миром, памятным из-за тяжкого поражения римлян. (2) В тот год военачальником у самнитов был сын Геренния Гай Понтий; родитель его славился среди самнитов своею мудростью, а сам он – воинской доблестью и военным искусством...

2. (1) Понтий двинулся с войском в поход и, соблюдая строжайшую тайну, разбил лагерь у Кавдия. (2) Отсюда он посылает в Калатию, где, по слухам, уже стояли лагерем римские консулы, десять воинов, переодетых пастухами, приказав им пасти скот подальше друг от друга, но поближе к римским заставам, (3) а повстречавшись с грабящими округу римскими воинами, пусть твердят одно: дескать, самнитские легионы в Апулии, осаждают там всем воинством Луцерию и со дня на день возьмут ее приступом. (4) Об этом заранее нарочно распустили слухи, успевшие уже дойти до римлян, а когда то же самое стали повторять все, кого захватывали в плен, им нельзя было не поверить. (5) Было ясно, что римляне окажут помощь жителям Луцерии, своим добрым и верным союзникам, стремясь вместе с тем предотвратить в столь опасных условиях отпадение всей Апулии. Раздумывали они только о том, какой выбрать путь, (6) ибо к Луцерии вели две дороги. Одна, широкая и открытая, шла по берегу Верхнего моря – путь этот был более безопасным, но и более далеким; другая дорога, покороче, вела через Кавдинское ущелье. (7) Вот каково само это место: два глубоких ущелья, тесных и заросших лесом, окружены непрерывными горными кряжами; между ущельями – довольно широкая поляна, болотистая и заросшая травой, через эту поляну и пролегает путь. (8) Но, чтобы дойти до нее, нужно пробраться через первую теснину, а потом возвращаться назад тою же дорогой, которой сюда проникли, или, продолжая путь, пройти по второму ущелью, еще более глубокому, еще менее проходимому. (9) Когда, избрав второй путь, римляне по скалистому распадку спустились в эту долину, то сразу же двинулись гурьбою ко второму ущелью, но наткнулись там на завал из деревьев и нагроможденных друг на друга огромных камней. Стало ясно, что это вражеская хитрость, и тут же поверху над ущельем замелькали неприятельские отряды. (10) Римляне спешат назад к дороге, которой пришли, но и она оказывается прегражденной завалами и вооруженными людьми. Тогда без всякого приказа все остановились в полной растерянности, словно скованные каким-то странным оцепенением; (11) и, поглядывая друг на друга в надежде найти в соселе больше самообладания и сообразительности, они долго молчат, не шелохнувшись. (12) Потом, видя, что ставятся консульские шатры, что некоторые достают орудия для земляных работ, (13) римляне, хоть и понимая всю смехотворность возведения укреплений в столь отчаянном и безнадежном положении, чтобы не усугубить его еще и по собственной вине, каждый сам по себе, без всяких понуканий и приказаний, принимаются за дело и, разбив у воды лагерь, окружают его валом. (14) И враги осыпали их тем временем бранью и насмешками, и сами римляне с горькой откровенностью высмеивали свой труд и тщетные усилия. (15) Удрученные консулы не созывали совета: совещаться было не о чем, как и подмоги ждать было неоткуда; но легаты и трибуны сами подошли к ним, а воины, оборотясь к консульскому шатру, взывали к вождям о помощи, какую едва ли могли им подать и бессмертные боги.

3. (1) Когда настала ночь, они все еще совещались, а больше спорили, потому что каждый твердил то, что отвечало его нраву... (4) В таких разговорах, забыв о еде и сне, римляне провели ночь. Однако и самниты не знали, что им предпринять при такой своей удаче, и все сообща решили написать Гереннию Понтию, отцу своего полководца, дабы испросить у него совета. (5) Этот Геренний Понтий в свои преклонные годы уже отошел не только от военных, но и от гражданских дел, однако воля и проницательность в дряхлом его теле оставались прежними. (6) Когда он узнал, что римское войско заперто между лесистыми склонами Кавдинского ущелья, то на вопрос о его мнении передал посланцу сына: как можно скорей отпустить всех римлян, не причиняя им никакого вреда. (7) А когда это было отвергнуто и тот же гонец, возвратясь, вторично просил совета, Геренний предложил перебить их всех до единого. (8) Ответы были столь противоречивы, словно их дал таин-

ственный оракул, и, хотя сын сам первый склонялся к мысли, что в ветхом родительском теле одряхлел уже и разум, он уступил все же общему желанию и вызвал отца на совет. (9) Старик не заставил себя упрашивать, и его, говорят, привезли на телеге в лагерь. Приглашенный на совет, он повторил примерно все то же, что говорил раньше, ни в чем не отступил от своего мнения, но объяснил, на чем оно основано. (10) Давая первый совет, в его глазах наилучший, он стремился, чтобы столь великое благодеяние обеспечило вечный мир и дружбу с могущественнейшим народом; смысл второго совета был в том, чтобы избавить от войны многие поколения, ибо после потери двух войск римское государство не скоро вновь соберется с силами; третьего же решения, сказал он, вообще нет. (11) Когда же сын и другие предводители стали добиваться от него, что если они изберут средний путь, то есть отпустят римлян невредимыми и в то же время по праву войны свяжут их как побежденных определенными условиями, старик сказал: (12) «Это как раз такое решение, что друзей не создаст, а врагов не уничтожит. Вы только сохраняете жизнь людям, озлобленным унижением, а нрав римлян таков, что, потерпев поражение, они уже не ведают покоя. (13) Нынешнее безвыходное положение вечно будет огнем жечь их души, и не будет им успокоения, пока не отомстят вам стократ». Ни тот, ни другой совет принят не был, и Геренния увезли из лагеря домой.

4. (1) Тем временем многие из окруженных попали в плен при тщетных попытках пробиться, а в лагере уже во всем ощущалась нехватка, (2) и римлянам волей-неволей пришлось отправить послов просить сперва мира на равных условиях, а не добившись мира, вызывать на бой. (3) На это Понтий отвечал, что война уже завершена, а раз римляне, даже потерпев поражение и попав в плен, не способны смириться со своею участью, то он прогонит их под ярмом – раздетых и безоружных; в остальном же условия мира будут равными для побежденных и победителей: (4) если римляне уйдут из владений самнитов и уведут обратно своих поселенцев, то оба народа будут впредь подчиняться лишь собственным законам и жить как равноправные союзники; (5) вот на таких условиях он-де готов заключить договор с консулами, а если в них что-то им не по нраву, то послов пусть больше не присылают. (6) Когда послы объявили о данном им ответе, раздался такой дружный вопль и такое всех охватило уныние, что, казалось, римляне предпочли бы этому услышать известие о предстоящей здесь им всем гибели...

5. (1) Консулы отправились к Понтию для переговоров, а когда победитель завел речь о договоре, отвечали, что без веления народа договор заключить невозможно, так же как без фециалов и без прочих торжественных священнодействий. (2) Так что, вопреки общепринятому мнению и даже письменному свидетельству Клавдия, Кавдинский мир был скреплен не договором, а только клятвенным поручительством. (3) Зачем, в самом деле, понадобились бы поручители договора или заложники, если бы дело завершили молением к Юпитеру поразить своим гневом народ, отступивший от условий, подобно тому как фециалы поражают жертвенного кабана. (4) Клятвенное обещание дали консулы, легаты, трибуны и квесторы, причем известны имена всех клявшихся, тогда как при заключении мира по договору были бы указаны только имена двух фециалов. (5) И еще потребовалось шестьсот всадников в заложники, которые должны были поплатиться головой за нарушение обещаний; и это тоже было сделано только потому, что пришлось отложить заключение самого договора. (6) Наконец, назначили срок, когда передадут заложников, а разоруженное войско отпустят. С приходом консулов горькое отчаяние вновь охватило воинов: едва удерживались они, чтобы не поднять руку на тех, кто безрассудно завел их в такое гиблое место, а теперь малодушно уводит из западни, навлекши на них этим позор еще больше прежнего... (11) В этих сетованиях застал их роковой час бесчестия, когда суждено было изведать такое, что превзошло самые мрачные их ожидания. (12) Для начала римлянам приказали безоружными и раздетыми выйти за вал, и в первую очередь были выданы и взяты под стражу заложники; (13) потом ликторам приказали покинуть консулов и с консулов сорвали их облачение. У тех самых воинов, которые только что готовы были с проклятиями отдать консулов на растерзание, зрелище это вызвало такую жалость, (14)

что, позабыв о собственном положении, все, словно ужасом охваченные, отворачивались, дабы не видеть, как поругано столь высокое достоинство.

6. (1) Консулов, чуть не нагих, первыми прогнали под ярмом, затем тому же бесчестию подвергся каждый военачальник в порядке старшинства (2) и, наконец, один за другим все легионы. Вокруг, осыпая римлян бранью и насмешками, стояли вооруженные враги и даже замахивались то и дело мечами, а если кто не выражал своим видом должной униженности, то оскорбленные победители наносили им удары и убивали. (3) Так и провели их под ярмом, причем на глазах врагов, что было, пожалуй, самым мучительным. Хотя, выбравшись из ущелья, римляне, словно выходцы из преисподней, казалось, впервые увидели белый свет, но и самый свет для взиравших на свое столь опозоренное войско был чернее мрака смерти....

Вопросы по тексту источника:

1. Каким способом Гай Понтий, по рассказу Ливия, заманил римлян в ловушку?
2. Чем Кавдинский мир отличался от обычных международных договоров?
3. Кого римские воины винили за унижение в Кавдинском ущелье?

III Самнитская война (298-290 гг.)

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга X. Пер. Н.В. Брагинской.

22. [295 г.] (9) Консулами стали Квинт Фабий и Публий Деций, а претором – Аппий Клавдий, все трое – заочно; а военные полномочия Луция Волумния, согласно постановлению сената и решению народа, были продлены еще на год...

27. (1) Перевалив Апеннины, в окрестностях Сентина консулы встретили противника. Там на расстоянии от него примерно в четыре мили разбили лагерь. (2) Враги тем временем, посоветовавшись между собой, решили не смешиваться всем в одном лагере и не выходить на бой всем одновременно; (3) самниты соединились с галлами, этруски с умбрами. Назначили и день битвы: самниты и галлы должны были завязать сражение, а этруски и умбры в разгар боя напасть на римский лагерь. (4) Этим намерениям помешали, однако, три перебежчика из Клузия, пробравшиеся тайком под покровом ночи к консулу Фабию; узнав от них вражеский замысел, их одарили и отослали назад выведывать и доносить о всяком новом вражеском решении. (5) Фульвию и Постумию консулы отправляют письменный приказ двигаться с войсками из Фалисской и Ватиканской округи к Клузию, беспощадно разоряя при этом вражеские земли. (6) Слух об этих разорениях заставил этрусков поспешить из Сентинской округи на защиту своих владений. Тогда-то консулы и двинули войска, чтобы дать сражение в отсутствие этрусков. (7) Два дня, нападая, дразнили неприятеля, но за два эти дня не совершилось ничего достойного упоминания, лишь несколько человек с обеих сторон было убито: не столько победа тут решалась, сколько воины раззадоривались для настоящей битвы. На третий день все силы противников вышли на поле боя. (8) Когда оба войска стали, готовые к битве, прынула с горы лань, спасаясь от волка, и промчалась по полю меж тем и другим строем; потом звери бросились бежать в разные стороны – лань к галлам, а волк – к римлянам. Волку открыли проход сквозь ряды, лань же была заколота галлами. (9) Тогда один из римских передовых бойцов объявил: «Бегство и гибель отвратились туда, где вы видите поверженной священную тварь Дианы; здесь же Марсов волк-победитель, целый и невредимый, напоминает нам о Марсовом племени и об основателе нашего Города». (10) Правое крыло заняли галлы, левое – самниты. На правом крыле против самнитов Квинт Фабий поставил первый и третий

легионы, на левом против галлов – Деций выстроил пятый и шестой. (11) Второй и четвертый легионы во главе с проконсулом Луцием Волумнием воевали в Самнии. Поначалу силы в бою были точь-в-точь равными, так что, окажись тут в строю ли или в лагере этруски и умбры, там, куда бы они ударили, римлянам не миновать поражения.

28. (1) Надо сказать, что хотя ратный Марс оставался ко всем равно суровым, а Судьба не показывала, кому она даст перевес, все же на правом и на левом крыле битва шла по-разному. (2) Под началом Фабия римляне скорее отражали нападение, а не сами нападали и затягивали битву сколь можно дольше, ибо вождь их знал твердо: (3) и самниты и галлы храбры в первой схватке, и надо только выдержать этот их натиск; если же битва затянется, ярость самнитов мало-помалу ослабеет, (4) а силы галлов, совершенно не способных терпеть жару и усталость, тают на глазах: в начале битвы они сильнее мужей, в конце слабее женщин. (5) Так что он старался как мог сохранить силы воинов свежими, дожидаясь срока, когда враг обычно начинал поддаваться. (6) Но Деций, в его возрасте и при его отваге, склонный к более решительным действиям, сразу же бросил в битву все бывшие в его распоряжении силы. А когда пешая битва показалась ему слишком вялой, он бросает в бой конницу (7) и, присоединяясь к самым отчаянным отрядам юнцов, призывает цвет молодежи вместе с ним ударить на врага: двойная, мол, слава их ждет, если победа придет и с левого крыла, и благодаря коннице. (8) Дважды отразили они натиск галльской конницы, но когда во второй раз слишком оторвались от своих и сражались уже в самой гуще врагов, их устрасило небывалое еще нападение: (9) вооруженные враги, стоя на колесницах и телегах, двинулись на них под оглушительный топот копыт и грохот колес и напугали римских коней, непривычных к такому шуму. (10) Будто обезумев, рассеялась победоносная римская конница: опрометью мчась прочь, падали наземь и кони и люди. (11) Замешательство перекинулось оттуда и на сами легионы, и много передовых бойцов погибло под копытами коней и колесами телег, промчавшихся вдоль строя, а следом и галльская пехота, видя испуг противника, не давала ни вздохнуть, ни опомниться. (12) Деций стал кричать своим, куда, мол, бежите, что сулит вам бегство? Он преграждал дорогу отступавшим и скликал рассеявшихся. Наконец, видя, что растерянных ничем не сдержать, (13) Публий Деций, воззвав по имени к своему отцу, воскликнул так: «Зачем мне отлагать долее исполнение семейного рока? Нам на роду написано приносить себя в жертву ради избавления от общей опасности. Вот и я предам на заклятие в жертву Земле и богам преисподней самого себя вместе с вражьи ратями!» (14) С этими словами он приказывает понтифику Марку Ливию (которому, выходя на бой, велел неотлучно быть при себе) произносить слова, чтобы он, повторяя их, обрек себя и вражеские легионы за войско римского народа квиристов. (15) И обрекши себя теми же заклинаниями и в том же облачении, как и родитель его, Публий Деций, приказал обречь себя на Везере в латинской войне, (16) он прибавил к положенным проклятиям, что будет гнать впереди себя ужас и бегство, кровь и гибель, гнев небесных богов и подземных и (17) обратит зловещие проклятия на знамена, оружие и доспехи врагов, а место его гибели будет местом истребления галлов и самнитов. (18) С этими проклятиями и себе и врагам он пустил коня туда, где приметил, что галлы стоят всего плотнее, и, бросившись сам на выставленные копы, встретил свою смерть.

29. (1) С этого мгновения битва перестала походить на дело рук человеческих. Потерявши вождя, что обычно ведет к смятению, римляне прекратили бегство и вознамерились начать бой сызнова. (2) Галлы же, особенно сгрудившиеся толпой возле тела консула, словно обезумев, метали свои копья и стрелы в пустоту, а иные цепенели, забыв и о битве, и о бегстве. (3) На римской же стороне понтифик Ливий, которому Деций передал своих ликторов и приказал остаться за претора, стал громко кричать, что победа – за римлянами, (4) а галлы и самниты смертью консула обречены теперь Матери Земле и богам преисподней, что Деций влечет и зовет за собою обреченное вместе с ним войско, и все у врагов исполнено безумия и ужаса. (5) Пока римляне восстанавливали боевой строй, к ним подошли Луций Корнелий Сципион и Гай Марций, посланные товарищу на подмогу по при-

казу Квинта Фабия с подкреплениями из задних рядов войска. Здесь им стала известна судьба Публия Деция, побуждающая дерзать на все ради общего дела. (6) И вот, хотя галлы, выставив перед собою щиты, стояли сомкнутым строем и ясно было, что рукопашная будет нелегкой, тем не менее по приказу легатов воины подобрали копья, усеявшие землю между тем и другим войском и метнули их во вражескую «черепаху»; (7) много копий вонзилось в щиты, а некоторые даже в самые тела врагов, и клин их развалился, причем повалилось много не раненых даже, а только оглушенных. Так переменчиво было на левом крыле счастье римлян. (8) На правом же крыле Фабий, как было сказано, весь день тянул время; а потом, когда уже стало ясно, что и крики врагов, и натиск их, и удары их дротиков потеряли прежнюю силу, (9) он приказал начальникам конницы вести отряды в обход самнитского крыла, чтобы по знаку ударить на них сбоку всею силою; legionерам же своим Фабий приказал шаг за шагом продвигаться вперед и теснить врага. (10) Увидев, что неприятель не сопротивляется и явно измотан, он стянул все силы, какие сберегал до времени, и устремил легионы вперед, а коннице дал знак броситься на врага. (11) И самниты не выдержали натиска: мимо галльского войска, бросив в опасности союзников, они врассыпную побежали к лагерю. (12) Галлы же выстроились «черепахой» и продолжали стоять плечо к плечу. Тут Фабий, узнав о смерти товарища, приказывает отряду кампанцев – около пятисот всадников – покинуть строй и, зайдя галлам в тыл, напасть на их войско, (13) а за ними идти принципам третьего легиона и, где увидят замешательство во вражеских рядах под натиском конницы, туда ударить и рубить дрогнувших противников. (14) Сам же Фабий, дав обет посвятить храм и вражеские доспехи Юпитеру Победителю, направился к самнитскому лагерю, куда стекались толпы охваченных страхом самнитов. (15) У самого вала те, кого оттеснила толпа соплеменников, – ведь такие полчища не могли разом протиснуться в ворота – попытались отбиваться; (16) здесь пал самнитский полководец Геллий Эгнаций. Наконец самнитов загнали за вал, и после короткой борьбы лагерь был взят, а галлов обошли с тыла. (17) Двадцать пять тысяч неприятелей было перебито в этот день, восемь тысяч попало в плен. Но победа не была бескровной: (18) из войска Деция полегло семь тысяч, а из Фабиева – тысяча семьсот. Фабий разослал людей на поиски тела товарища и, сложив в кучу вражеские доспехи и оружие, сжег их в жертву Юпитеру Победителю.

Вопросы по тексту источника:

1. Назовите имя самнитского военачальника в битве при Сентине, приведенное Ливием.
2. Каких союзников самнитов называет Ливий?
3. Какую роль сыграла римская конница на левом и правом флангах?
4. В чем заключался подвиг Публия Деция Младшего?
5. Каковы были действия понтифика Марк Ливий во время сражения?

Борьба римлян с городами «Великой Греции» (280-270 гг.)

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга I. Пер. М.Ф. Дашковой.

18. Затем следует тарентинская война, единая по названию, но многократная по победам, ибо она повлекла к общей гибели кампанцев, апулийцев, луканцев и зачинщиков войны тарентинцев, т.е. всю Италию, и вместе с ними Пирра, знаменитейшего царя Греции. В результате одновременно была объединена Италия и предопределены заморские триумфы. (2) Тарент, создание лакедемонян, некогда столица Калабрии, Апулии и всей Лукании, славился величиною, стенами и гаванью, а также удивительным местоположением.

Будучи расположен у входа в Адриатическое море, он рассылал корабли во все страны: Истрию, Иллирик, Эпир, Ахайю, Африку, Сицилию. Над гаванью возвышался видимый со стороны моря театр, который оказался причиной бед для несчастного города. (4) Там происходило торжественное представление, когда был замечен приближавшийся к берегу римский флот. Полагая, что это враги, тарентинцы выбежали и стали насмехаться над ними, не разобравшись, что это за римляне и откуда они появились. Мало того, когда без промедления прибыли с жалобой римские послы, их неприлично оскорбили, допустив бесчестье, о котором стыдно сказать; и вот — война. (6) Приготовления к ней наводят ужас, ведь столько народов сразу поднимается на защиту тарентинцев, и яростнее всех — Пирр. Вознамерившись отомстить за полугреческое (его основатели — спартанцы) государство, он прибыл по морю и суше со всеми силами Эпира, Фессалии, Македонии с воинами, конями, оружием и неведомыми в то время слонами, так что ко всему прочему добавился страх перед дикими животными. (7) Первая битва произошла в Кампании, у Гераклея, близ реки Лирис при консуле Левине. Она была жестокой; Обсидий, начальник ферентанейской турмы, напав на царя, привел его в замешательство и вынудил отступить, бросив знаки отличия. (8) Сражение было бы выиграно, если бы не выбежали вперед слоны, превратив войну в жестокое зрелище. Кони, приведенные в ужас и величиною, и видом животных, и неведомым запахом, и звуками, приняли слонов за еще больших чудовищ, чем те были, и обратились в гибельное бегство. (9) Затем в Апулии у Аускула при консулах Курии и Фабриции произошло более удачное сражение. Страх перед слонами стал меньше; Гай Нумиций, гастат четвертого легиона, отрубив у одного слона хобот, доказал, что эти звери смертны. (10) И полетели в них дротики, а факелы, брошенные на башни, обрушили на вражеское войско пылающие обломки. Конец побоищу положила ночь. Последним бежал царь. Раненный в плечо, он был унесен телохранителями на собственном щите. (11) Заключительная битва была в Лукании на так называемых Арузинских полях, при тех же командующих. На этот раз — полная победа. Она оказалась результатом случая, а не доблести. (12) Слоны снова были выведены в первый ряд, но сильный удар копьем в голову повернул назад одного, еще молодого. Когда он, жалобно трубя, бросился назад навстречу бегущим слонам, его узнала мать. Она вырвалась вперед как бы затем, чтобы отомстить за него, и громадой своего тела смешала все вокруг, словно это были враги. (13) Так одни и те же животные первую победу принесли Пирру, вторую свели вничью, а третью подарили нам. (14) Но война с царем Пирром велась не только оружием и в открытом бою, но и против его козней в тылу. Ибо сразу же после своей первой победы этот изворотливый человек, познав римскую доблесть, тотчас же разуверился в оружии и принялся за происки. (15) Он сжег павших, снисходительно обошелся с пленными, а затем, возвратив их без выкупа, отправил в Рим послов и стал всеми силами добиваться договора о дружбе. (16) Тогда-то в сражениях и в тылу, во внешних делах и во внутренних ярко проявилась римская доблесть. Тарентинская победа более, чем какая-либо иная, показала стойкость римского народа, мудрость сената, величие духа полководцев. (17) Ведь какими подобрали тех воинов, которых затоптали слоны в первом сражении? Все ранены в грудь (некоторые погибли общей смертью с врагами), у всех в руках мечи, а на лицах и после смерти сохранилось выражение угрозы и гнева. (18) Пирр был до такой степени поражен этим, что сказал: "О, как легко было бы захватить власть над миром, если бы у меня были римские воины или бы я был римским царем!" А каково рвение в восполнении потерь! (19) Пирр сказал: "Вот когда я убедился, что впрямь происхожу от Геракла: головы врагов вырастают словно из их собственной крови, как срезанные головы Лернейской гидры". (20) И что это был за сенат, если послы Пирра, изгнанные по предложению Аппия Цека из города вместе со своими дарами, на вопрос царя, что они выводили в тылу врагов, признались, что город показался им храмом, а сенат собранием царей! (21) А какими были сами полководцы! Курий выгнал из лагеря лекаря, просившего деньги за царскую голову, а Фабриций отказался от части государства, предложенной ему царем... (23) Кого удивит, что при таких нравах и такой доблести воинов римский народ ока-

зался победителем и в одной только тарентинской войне за четыре года покорил большую часть Италии, храбрейшие народы, богатейшие города, плодороднейшие области?

Вопросы по тексту источника:

1. Где, судя по приведенному фрагменту источника, произошла третья битва римлян с Пирром?
2. Как автор данного сочинения объясняет причины побед и поражений Пирра?

Взаимоотношения Рима с подчиненными общинами

Веллей Патеркул. Римская история. Книга I. Пер. А.И. Немировского.

XIV. Поскольку те или иные факты, собранные воедино, производят большее впечатление на зрение и ум, чем разделенные временем, я решил отделить первую часть труда от второй сводкой небесполезных фактов и привести список колоний, которые были основаны по повелению сената после взятия Рима галлами, вместе с их датами; что же касается военных колоний, причин их основания, основателей и их имен, то они достаточно известны. И, кажется, не будет неуместным присоединить к этому сведения о происходившем одновременно расширении городов и распространении римского имени благодаря дарованию прав. (2) Через семь лет после того как галлы взяли Рим, была выведена колония Сутрий, на следующий год — Сетия, с перерывом в девять лет — Непе. Затем по прошествии тридцати двух лет гражданство было дано арицинцам. (3) Триста шестьдесят лет назад, в консульство Сп. Постумия и Ветурия Кальвина гражданство без права голоса было дано кампанцам и части самнитов. И в этом же году была выведена колония Калес. Затем по прошествии трех лет, в тот же самый год, когда была основана Александрия, гражданство получили жители Фунды и Формий. (4) При следующих сразу за этим консулах цензоры Сп. Постумий и Филон Публилий дали права гражданства ацерранцам. И спустя три года была выведена колония Таррацина. Через четыре года после нее — Луцерия, еще через три года Суесса Аурунка и Сатикула и двумя годами позднее Интерамна. (5) После того было десять пустых в этом отношении лет; потом были выведены колонии Сора, а также Альба и через два года Карсеолы. (6) В пятое консульство Квинта Фабия и четвертое Деция Муса, в том году, когда начал царствовать Пирр, колонисты были посланы в Синуессу и Минтурны, спустя четыре года — в Венусию. По прошествии двух лет, в консульство Мания Курия и Руфина Корнелия, гражданство без права голоса было даровано сабинам — это произошло почти триста двадцать лет назад. (7) В консульство Фабия Дорсона и Клавдия Канины, почти триста лет назад, колонисты были посланы в Косу и Пестум. С промежутком в пять лет, в консульство Семпрония Софа и Аппия, сына Аппия Цека, колонисты были посланы в Аримин [и] Беневент и право голоса было дано сабинам. (8) К началу Первой Пунической войны колонистами были заняты Фирм и Каструм, через год Эзерния, семнадцать лет спустя Эфул и Альсий и еще спустя два года Фрегены. Брундизий был основан в следующем году, в консульство Торквата и Семпрония, и через три года Сполетий, в том году, когда были учреждены Флоралии, и два года спустя была выведена Валентия, а перед прибытием в Италию Ганнибала — Кремона и Плацентия.

Задание по тексту источника и карте:

1. Найдите на карте 4 перечисленные в источнике топографические объекты.

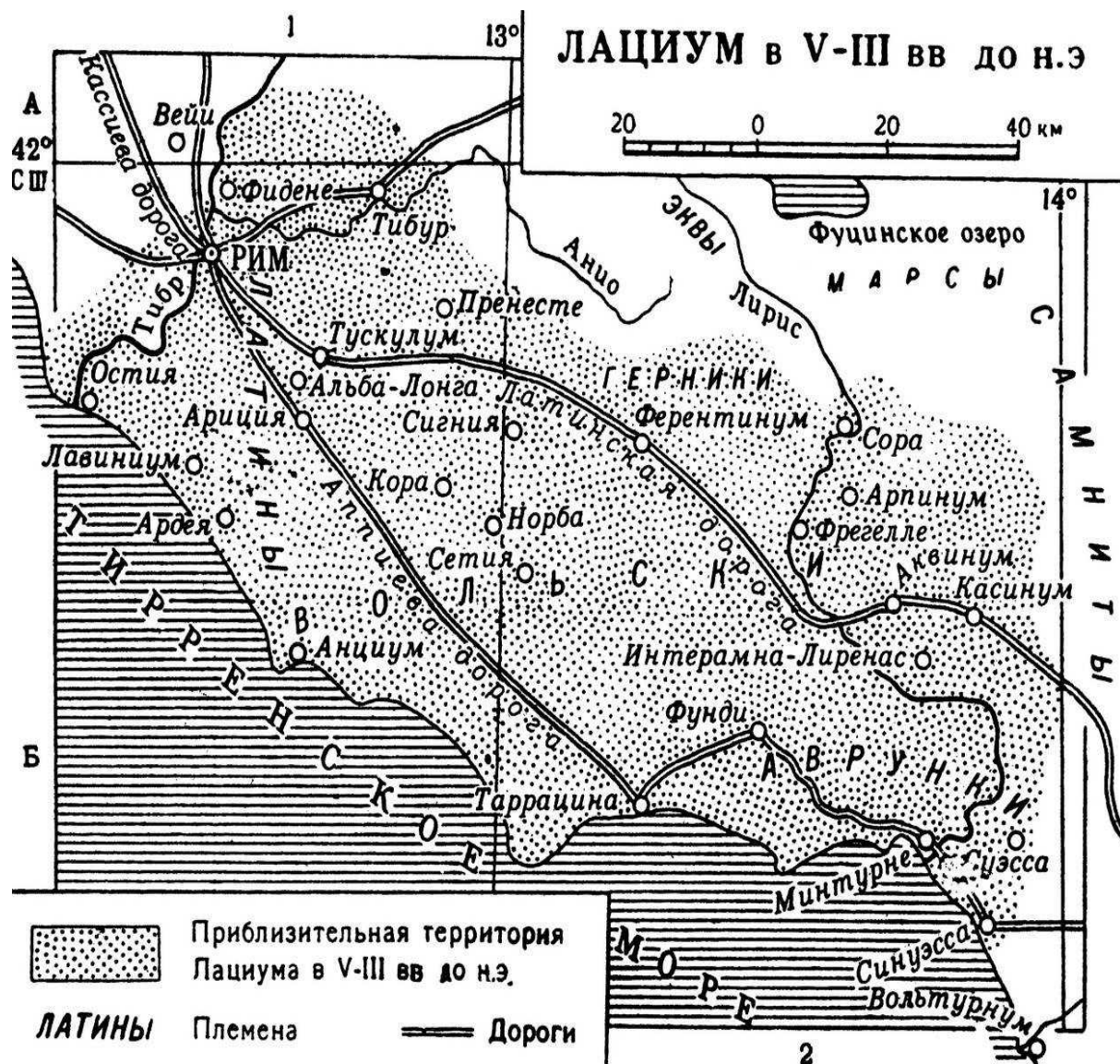
Карта 1

Задания по карте 1.

1. Найдите на карте города: Рим, Вейи, Капуя и Тарент.
2. Определите потенциальные направления римской экспансии после завоевания Италии.

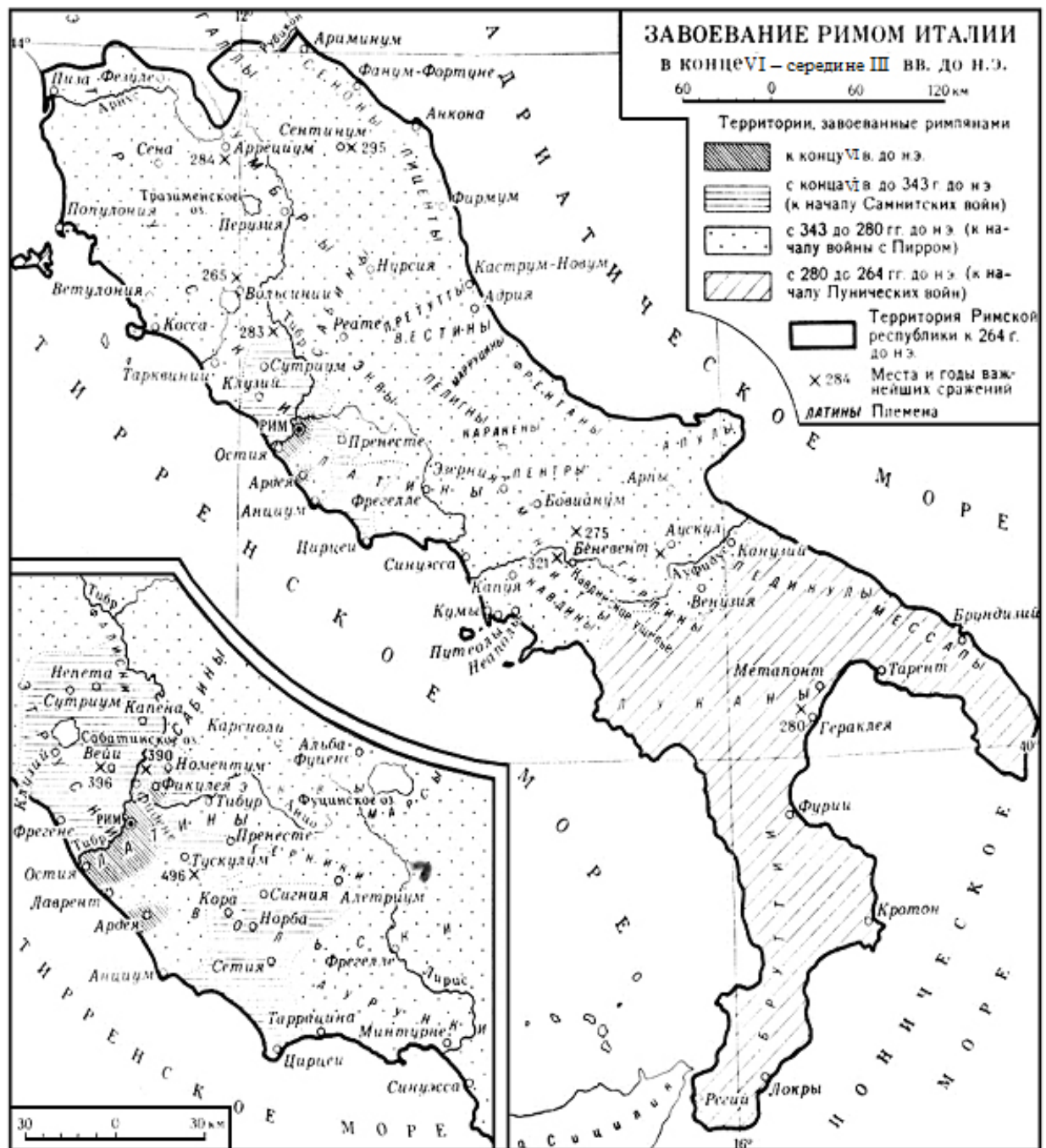
Карта 2

Задания по карте 2.

1. Назовите ближайших соседей латинов.
2. Определите преимущества, которые имело экономико-географическое положение Рима по сравнению с другими общинами Лация.
3. Найдите на карте место решающей битвы римлян с Порсеной.
4. Найдите на карте центр федерации латинских городов.

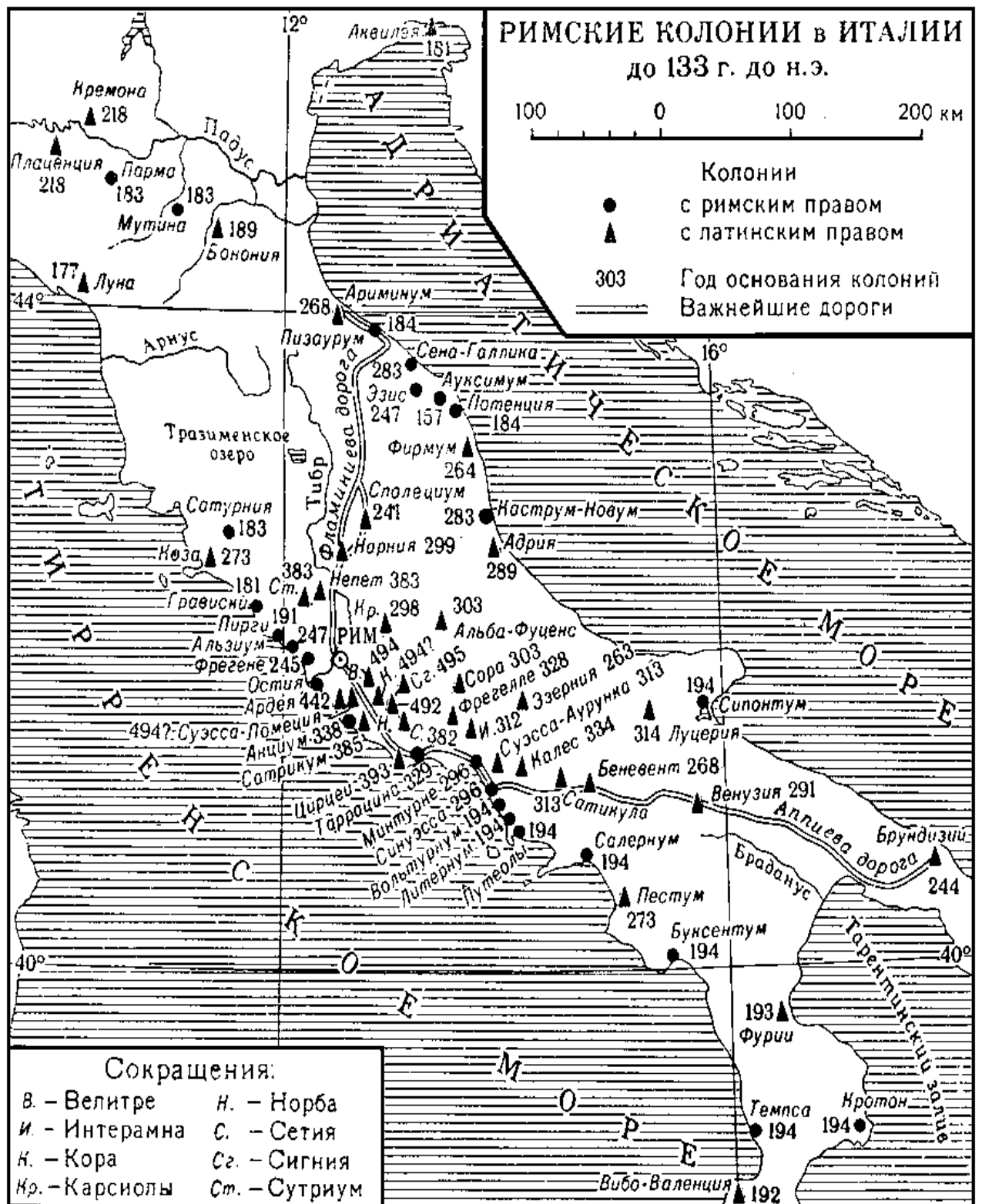
Карта 3

Задания по карте 3.

1. Найдите на карте места основных сражений римлян с царем Пирром.
2. Найдите на карте последний этрусский город, захваченный римлянами.

Карта 4

Задание по карте 4.

1. Найдите первую колонию римлян в галльской земле. Какими правами она обладала?